

~~117~~

3-50

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

331(09)2

К. ШЕЛАВИН

Ш 42

К 1 МАЯ
В РОССИИ

323.2(47)

РАБОЧЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗД-ВО

ПГР. „П Р И Б О Й“ 1923 г.

урава

УЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Установление праздника 1 мая и первые девять лет (1890—1899).

1. Первый Конгресс II-го Интернационала и установление празднования Первого Мая.

14-го июня 1889 года в Париже собралось 395 депутатов, представлявших следующие страны: Франция—221, Германия—81, Англия—22, Бельгия—14, Австрия—10 и т. д. От Польши было 5 депутатов, от России—6 и от Финляндии—1. Таким образом бывшая Российская Империя была представлена 12-ю делегатами.

Описываемый нами Конгресс заложил основание 2-го Интернационала и явился I-ым Конгрессом 2-го Интернационала. Среди докладчиков мы видим: от Германии—Гебеля, от Франции—Гедэ, от Англии—Кейр-Гарди и Морриса, от Австрии—Адлера. От России выступали Лауров и Плеханов, от Польши—Янковская.

1-го мая 1890 года I-ый Парижский Конгресс 2-го Интернационала постановил: организовать интернациональную манифестацию.

Резолюция по этому поводу гласила: в определенное время организуется большая интернациональная манифестация таким образом, чтобы одновременно в определенный день рабочие всех стран предъявили общенациональным властям требование об установлении 8-ми-

часового рабочего дня и исполнение всех других заключений Интернационального Конгресса. Принимая во внимание, что подобная манифестация уже была назначена союзом американских рабочих на Конгрессе в Сан-Луи в декабре 1888 года на 1-ое мая 1890 года, день этот и выбирается для интернациональной манифестации. Рабочие различных стран должны провести эту манифестацию таким образом, как этого требуют условия их страны.

Как известно, Парижский Конгресс 2-го Интернационала, кроме требования 8-ми часового рабочего дня, выставил: 1) целый ряд экономических требований, как то: воспреещение труда для детей моложе 14 лет, воспреещение ночного труда и т. д. и т. д. 2) Было выставлено требование полного неограниченного свободного права союзов и коалиций, и наконец 3) Конгресс потребовал упряднения постоянного войска с заменой всеобщим народным вооружением по следующему плану: национальную армию, вооруженную нацию составляют все способные к военной службе граждане; они организируются по округам таким образом, чтобы каждый город, каждая область, каждый округ имел свой батальон или несколько батальонов—смотря по количеству народонаселения—состоящих из граждан, друг другу известных, и так, чтобы, в случае надобности, была возможность собрать, вооружить и привести их в полную боевую готовность в 24 часа. «Самая же война исчезнет только тогда», заканчивала резолюция Конгресса, «когда капиталистический способ производства уступит место освобождению труда и международному торжеству социализма».

Таким образом, лозунгами ежегодной майской манифестации рабочих становились не только требования 8-ми часового рабочего дня, но и все изложенные нами решения Парижского Конгресса.

2. Выступления делегатов России.

От России выступали Лавров и Плеханов.

Н. Л. Лавров—один из отцов русского народничества—отметил, что русские социалисты впервые явились участниками международного съезда. Однако тут же Лавров с сожалением указал на то, что русские делегаты представляют отдельные группы, а не единую организацию. Не упомянув почти ни одним словом о рабочем движении в России, Лавров, как и подобало отцу народничества, мог лишь: 1) поскорбеть о плачевном состоянии тогдашних народнических организаций, в частности о положении «Народной Воли»; 2) мог отметить ослабление социалистических сил, иначе говоря отход интеллигенции от революции и социализма после разрома «Народной Воли» и 3) выразить надежду, что разрозненные группы все-же объединятся в централизованной организации.

Г. В. Плеханов—отец русской социал-демократии и основоположник марксизма в России—держал речь в совершенно другом духе. Особенно замечательны заключительные слова речи Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих». Однако, Плеханов отметил, что рабочее движение в России до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но в России развивается капитализм, чему покровительствует правительство, а вместе с ростом капитализма растет пролетариат. Отсюда Плеханов, между прочим, и определил задачи для русской революционной интеллигенции: «она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и, с помощью рабочих, приступом взять твердыню самодержавия».

Несмотря на совершенно различное обоснование в речах Лаврова и Плеханова в них есть и несомненное сходство.

Нормы исключительного внимания к роли и значению революционной интеллигенции, главное сходство у

часового рабочего дня и исполнение всех других заключений Интернационального Конгресса. Принимая во внимание, что подобная манифестация уже была назначена союзом американских рабочих на Конгрессе в Сан-Луи в декабре 1888 года на 1-ое мая 1890 года, день этот и выбирается для интернациональной манифестации. Рабочие различных стран должны провести эту манифестацию таким образом, как этого требуют условия их страны.

Как известно, Парижский Конгресс 2-го Интернационала, кроме требования 8-ми часового рабочего дня, выставил: 1) целый ряд экономических требований, как то: воспрещение труда для детей моложе 14 лет, воспрещение ночного труда и т. д. и т. д. 2) Было выставлено требование полного неограниченного свободного права союзов и коалиций, и наконец 3) Конгресс потребовал упразднения постоянного войска с заменой всеобщим народным вооружением по следующему плану: национальную армию, вооруженную нацию составляют все способные к военной службе граждане; они организуются по округам таким образом, чтобы каждый город, каждая область, каждый округ имел свой батальон или несколько батальонов—смотря по количеству народонаселения—состоящих из граждан, друг другу известных, и так, чтобы, в случае надобности, была возможность собрать, вооружить и привести их в полную боевую готовность в 24 часа. «Самая же война исчезнет только тогда», заканчивала резолюция Конгресса, «когда капиталистический способ производства уступит место освобождению труда и международному торжеству социализма».

Таким образом, лозунгами ежегодной майской манифестации рабочих становились не только требования 8-ми часового рабочего дня, но и все изложенные нами решения Парижского Конгресса.

2. Выступления делегатов России.

От России выступали Лавров и Плеханов.

И. Л. Лавров—один из отцов русского народничества—отметил, что русские социалисты впервые явились участниками международного съезда. Однако тут же Лавров с сожалением указал на то, что русские делегаты представляют отдельные группы, а не единую организацию. Не упомянув почти ни одним словом о рабочем движении в России, Лавров, как и подобало отцу народничества, мог лишь: 1) поскорбеть о плачевном состоянии тогдашних народнических организаций, в частности о положении «Народной Воли»; 2) отметить ослабление социалистических сил, иначе говоря отход интеллигенции от революции и социализма после разгрома «Народной Воли» и 3) выразить надежду, что разрозненные группы все-же об'единятся в централизованной организации.

Г. В. Плеханов—отец русской социал-демократии и основоположник марксизма в России—держал речь в совершенно другом духе. Особенно замечательны заключительные слова речи Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих». Однако, Плеханов отметил, что рабочее движение в России до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но в России развивается капитализм, чему покровительствует правительство, а вместе с ростом капитализма растет пролетариат. Отсюда Плеханов, между прочим, и определил задачи для русской революционной интеллигенции: «она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и, с помощью рабочих, приступом взять твердыню самодержавия».

Несмотря на совершенно различное обоснование в речах Лаврова и Плеханова в них есть и несомненное сходство.

Номимо исключительного внимания к роли и значению революционной интеллигенции, главное сходство у

Лаврова и Плеханова в том, что они не ждут революции ни завтра, ни послезавтра: слишком крупны для них поражения прошлого, и малыми они считают наличные силы революции в настоящее время.

Здесь особенно характерно то, что делегат от Польши—Янковская в своем докладе все время говорит не о будущих перспективах, а о настоящем положении движения, все время смотрит на рабочее движение Польши с точки зрения теперешней работы, ближайшей работы, с точки зрения очередных задач партийной практики. Объяснение такого явления надобно искать в более высоком промышленном развитии Польши, в более высоком культурном ее развитии и вытекающем отсюда массовом рабочем движении.

Чтобы закончить с выступлениями русских и польских делегатов, надобно отметить, что и Янковская и Плеханов указали на крайнюю трудность проведения первомайского праздника в России и Польше—в условиях царского самодержавия. Янковская заявила, что польские социалисты не могут обратить все свои силы исключительно на агитацию о майском празднике, точно так же как не могут посвятить успеху манифестации целостности и существования своей организации. «Западные товарищи», сказала Янковская «должны понять, почему агитация польских социалистов может оказаться более слабой и не всегда соответствовать даже тем желаниям, которые у них самих имеются».

Конгресс понял это заявление и ответил—«конечно», а Плеханов присоединился к оговорке Янковской.

3. Первое Мая в Западной Европе.

Парижский Конгресс 2-го Интернационала не вынес никаких постановлений относительно характера Первомайского праздника. Однако, среди передовых слоев рабочего класса празднование Первого Мая скоро связалось с мыслью о первомайской забастовке, которая должна была ежегодно показывать могущество рабочего класса.

В Германии некоторые социал-демократические организации крупных городов прямо постановили проводить забастовку первого мая 1890 года. Наоборот социал-демократическая фракция рейхстага, т. е. германские социал демократы—депутаты германского парламента, уже в апреле 1890 года выпустили воззвание, в котором советовали «при настоящих неблагоприятных экономических условиях воздержаться от всякого празднования Первого Мая».

Это было уже началом оппортунизма, т. е. прислужничества, угодничества буржуазии и соглашения с нею.

Первое, — 1-ое Мая 1890 года—германские рабочие праздновали или вечером, или в ближайшее воскресенье.

Так было, за малыми исключениями, по всей стране, и так сразу было приижено революционным значение 1-го Мая.

В нашу задачу не входит изложение истории майского праздника на Западе, но направление, которое было дано в 1890 году крупнейшей партией 2-го Интернационала майскому празднику, было не революционное, было оппортунистическое, а чем дальше, тем в этом отношении дела шли хуже и хуже.

2-ой Интернационал развивался не в сторону революции, а в сторону оппортунизма и соглашения.

2-ой Интернационал, в общем и целом, все более и более сворачивал на путь реформ, мирного развития, парламентских форм борьбы, отрицания борьбы улицы, борьбы масс, борьбы восстания.

Сами рабочие массы, в условиях этого мирного существования и мирного настроения руководящих социалистических партий, все более были склонны не рисковать даже и первомайской стачкой и возможностью репрессий со стороны капиталистов за стачку.

Майский праздник все чаще и все постояннее проходил либо вечером после работ, либо переносился на ближайшее воскресенье и по горькой иронии лишь тогда становился действительным праздником рабочего класса на весь день, когда совпадал по календарю с воскресным днем.

4. Первое Мая 1890 года в России.

В пределах тогдашней Российской Империи в 1890 г. должно отметить: 1) Празднование Первого Мая в Польше, и 2) Выпуск первомайской прокламации в Петербурге.

В Польше за несколько дней до Первого Мая революционная социалистическая организация Польши „Пролетариат“ выпустила две прокламации.

Прокламации призывали к празднованию Первого Мая, указывали, что на фабриках должны быть устроены сходки по вопросу о средствах, при помощи которых фабрики и земли перешли бы в общую собственность рабочего люда, выставляли далее требование 8-ми часового рабочего дня и призывали к международной солидарности рабочего класса.

Прокламации вышли в Варшаве и Лодзи.

Первомайская забастовка 1890 года охватила, однако, только Варшаву.

Бастовало до 10 тысяч человек.

Из мелких мастерских многие стали целиком. Большие мастерские и фабрики не работали частично. Полиция предприняла надлежащие меры, а предприниматели со своей стороны угрожали рабочим увольнением в случае прекращения работ.

Лодзь не бастовала.

Как водится, после 1-го Мая начались крупные аресты.

В Петрограде вышла только прокламация под заглавием: „К народу. Первое Мая“.

Листок заканчивался: „Это первая прокламация первой русской рабочей анти-правительственной дружины, написанная и напечатанная при очень стеснительных обстоятельствах в одну ночь, членов в которой в настоящее время около 800 человек. Итак до скорого свидания, братья“.

Следовала подпись: „рабочий“.

Столь полуграммотная прокламация с указанием на „дружину в 800 членов“ вызывает даже сомнения

в подлинности листка, ибо оригинала его не имеется, а есть лишь копия, препровожденная 11-го мая Петербургским градоначальником в департамент полиции. Однако, как кажется, в статье С. Валк „Материалы к истории 1-го Мая в России“ (Красная летопись № 4) принципиально указывается, что „листки конца 80-х, начала 90-х годов почти всегда выходили не из среды организованного кружка, а чаще всего от лиц, обладавших некоторой инициативой. В означенной нами прокламации сразу видна рука неопытного, и, во всяком случае, рука не интеллигента“.

Возможно, что прокламация являлась творчеством одиночки рабочего-революционера или небольшого рабочего кружка.

Судя по тому, что в прокламации рабочие от крестьянина не отделяются, не выставляется никаких отдельных рабочих требований и лишь указывается на то, что „придет время, когда русский народ проснетесь от некоего сна, трихнет русским могучим кулаком и сокрушит всю эту разбойничью банду, называемую нашими людьми правительством“,—судя по всему этому можно думать, что к делу причастны какие либо из участников народофильских рабочих кружков.

Полагать, что листок был делом рук охранного отделения никак не приходится. Царское правительство, в упоении победы над „Народной Волей“, не могло сразу по внутренней России придавать значение ни Конгрессу 2-го Интернационала, ни Первомайскому правднику. Глава заграничной охраны Рачковский о Парижском Конгрессе выразился так, что „это собрание никакого отношения к русским делам не имело“.

5. Рабочее движение и революционные организации в России к началу 90-х годов.

К концу 80-х годов социал-демократические кружки, помимо Петербурга, существовали уже в Москве, Киеве, Кавказе, Ростове-на-Дону, Вильно, Харькове и многих др. городах. Одновременно, вместе с социал-демокра-

тами, продолжали вести работу и народовольцы, ибо „Народная Воля“ официально прекратила свое существование лишь в 1895 году.

Однако, преобладали социал-демократические кружки, которые в 1889 году решили в Петербурге организовать и создали первый рабочий комитет рабочих кружков.

Всех кружков в Петербурге во всех районах было около 10.

В каждом от 5 до 8 человек. Таким образом, еще очень маленький слой рабочих стал под знамена социал-демократии, при полном развале старых народнических организаций и главнейшей из них — „Народной Воли“, при полном развале среди интеллигенции и отходе интеллигенции от революции.

Массовое рабочее движение насчитывало за собою в это время уже десятилетия, охватив в семидесятые годы (с 1865 по 1877 г.), 20 тысяч рабочих, бастовавших по разным поводам и главным образом по поводу вопиющих тогдашних фабричных порядков.

Года 78—80 дают уже 35 тысяч стачечников. Года 1881 по 87 дают количество забастовщиков свыше 80 тысяч.

Своей стачечной борьбой рабочий класс России вырывает у правительства первые „рабочие“ законы, в особенности закон 1886 года; рабочий класс добивается некоторого ограничения рабочего дня, введения фабричной инспекции и хоть кое-каких упорядочений фабричного быта.

Однако, и особенно в восьмидесятые годы, т. е. с разгромом народнических организаций, рабочее движение идет почти вне организованного участия социалистических партий, а сам рабочий класс в своей массе, еще чрезвычайно отстал, чрезвычайно темен и только-только выделяет тоненький передовой слой, который и спланивается около возникшей с 1883 год социал-демократии.

Поэтому трудно было бы и ожидать в России (за исключением промышленных окраин, вроде Польши) какого либо массового движения, связанного празднованием 1-го Мая.

6. 1-ое Мая 1891 года в России.

1-го Мая 1891 года в Петербурге произошла 1-ая не-легальная рабочая маевка. Вот как описывает ее в своих воспоминаниях один из первых участников социал-демократических рабочих кружков, рабочий П. Богданов. „Собрание было устроено за Парвской заставой. Были приняты все меры предосторожности. На собрании присутствовало более 200 человек рабочих и вся наша интеллигенция, состоявшая из двух лиц. Речи говорили только рабочие, а именно В. Прошин, Ф. Афанасов и Н. Богданов“.

Речи эти показали, что кружковая работа сделала свое дело и выдвинула таких работников, которые могут выступать и обладают несомненными знаниями, но необходимо отметить, что: 1) в этих речах почти нет призыва к массовой, непосредственной, должностующей борьбе; 2) рабочие ораторы главным образом указывали на необходимость самим „приобрести знание вечных исторических законов“, а затемнести это знание в массы; 3) несмотря на знакомства с западно-европейским движением и деятельностью социалистических партий, в частности германской социал-демократии, — западно-европейские порядки по сравнению с российскими и представляются рабочим ораторам маевки 91 года слишком уже в розовом свете. Ораторы представляют и для русских рабочих цель — добити таких порядков, когда бы рабочие в России избирали депутатов в парламент и издавали законы в пользу рабочего класса; 4) социалистические задачи рабочего класса, т. е. необходимость для рабочего класса не только добиться буржуазных свобод и буржуазного парламента, но и свергнуть его капитала, не упоминаются и не забываются, но о самом социализме понятие еще туманное и путаное; 5) основным мотивом речей проходит необходимость борьбы с царским самодержавием и свержение царского самодержавия.

Таким образом, первая русская маевка отразила в себе всю еще неразвитость массового рабочего дви-

жения в России; отразила то положение, когда тоненький слой передовых рабочих только организовывался, только образовывался, только еще подбирались и должны были воспитать себя первые кадры будущих руководителей массового рабочего движения... С другой стороны, уже наметился и лозунг будущих массовых политических первомайских стачек и демонстраций в России, лозунг специально российский, выросший из условий русской действительности и для Западной Европы не предусмотренный Парижским Конгрессом 2-го Интернационала: «Долой самодержавие!» «Долой царское правительство!»

Упомянем, что первого мая 91 года в Петербурге опять появилась первомайская прокламация, принадлежавшая, по всей видимости, как и в девяностом году инициативе случайной группы; но не сохранилось даже и копии этой прокламации.

7. 1-ое мая 1891 года в Польше.

За два дня до 1-го Мая «Пролетариат» издал прокламацию. В Варшаве после 8-ми часов утра стали появляться на улицах рабочие, одетые по праздничному. Общее число забастовавших орган «Пролетариата» «Пшестьвич» («На рассвете») определял до 20 тысяч человек. Кое-где происходили стычки с войсками и полицией.

В Лодзи не работали некоторые небольшие фабрики, а из крупных фабрик, фабрика Познанского с 3 тысячами рабочих. Когда сын владельца потребовал у рабочих ответа, — «кто первый подговаривал их к бунту» один из рабочих заявил «я первый» и дал вместе с тем Познанскому пощечину. Войска пустили в ход нагайки.

В Жирардове — центре текстильной промышленности — события приняли кровавый оборот. Весь Жирардов был, как говорили, оклеен прокламациями. С утра 1-го мая забастовала половина рабочих, с завтрака примкнули остальные...

Первомайская забастовка перешла в экономическую забастовку с требованием увеличения заработной платы.

Власти начинают разгонять рабочие группы. Рабочие отвечают на это градом камней и выстрелами из револьверов. Войска открывают огонь и наконец, под руководством варшавского губернатора Медема, начинается дикая расправа. За избиениями следуют аресты, когда выносятся из Жирардова целые рабочие семьи, — в общем до 300 семейств.

8. 1-ое Мая 1892 года в Польше.

Польские события этого года на несколько лет остались крупнейшими событиями.

В самой Варшаве празднование прошло с меньшей торжественностью, чем в прошлые годы. Сам день первого Мая приходился в Польше, (а польские рабочие праздновали его по новому стилю) на воскресенье. Поэтому дело ограничилось загородными маевками, в которых приняло участие несколько сот рабочих.

Крупнейшие события разыгрались в 1892 году в Лодзи.

Подготовка к празднованию 1-го Мая началась задолго до этого дня, а уже 28-го апреля произошло первое столкновение рабочих с полицией на фабриках Лоренца и Познанского.

В результате, по требованию жандармерии, был уволен ряд рабочих. Само Первое Мая, как мы уже говорили, пришлось на воскресенье и прошло тихо.

Вышли и распространялись лишь первомайские прокламации, да на улицах были массы рабочих, имевших праздничный вид. Но в течение 3-х дней, со 2-го по 4-ое, забастовка развивается и переходит почти во всеобщую.

Выдвигаются экономические требования, происходят стычки с полицией и аресты рабочих, а на фабрике Познанского 5-го мая произошло кровавое столкновение с войсками.

Экономические требования рабочих, сводившиеся к увеличению заработной платы, к сокращению рабочего дня и т. п., предъявлялись рабочими столь организованно, а поведение самих рабочих было настолько спокойным и дисциплинировано, что, как говорила в то время нелегальная польская социалистическая пресса— «еще несколько дней и требования рабочих увенчались бы, вероятно, хотя и неполным, но на первый раз серьезным результатом»...

Однако, совершенно неожиданно забастовка (остается невыясненным, как это случилось) была сорвана одним из значительнейших в Польше еврейских погромов.

Отголоском Лодзинской забастовки была майская забастовка в соседних Пабианицах и Згерже.

В общем майские рабочие волнения захватили в Польше, даже по официальным данным, 30 тысяч рабочих. (По данным соц. газет до 60.000).

9. 1-е мая 1892 года в Вильне.

В этом году в Вильне произошла нелегальная рабочая сходка, на которую собралось 1-го мая несколько десятков человек.

Были приглашены «интеллигенты, полуинтеллигенты и представители кружков». Речи ораторов (их было 4) впоследствии были изданы особой книжкой, под заглавием «Первое мая 1892 года. 4 речи еврейских рабочих с предисловием».

Эти речи не безынтересно сравнить с речами 4 русских рабочих, с речами уже известными нам и произнесенными на питерской маевке 1891 года (вышли также отдельной книжкой).

В речи оратора рабочего на маевке 1892 года в Вильне также отмечается уважение «к свету знания и науке», как и у питерских рабочих 1891 года уважение «к приобретению знаний точных исторических законов».

Но в речи одной из работниц промелькнул новый мотив...

«Каждый человек»—сказала она—«должен измерить свои силы; он не должен браться за то, чего он не в состоянии сделать. Мы хорошо знаем, что все сразу переделать мы не можем. Поэтому мы должны бороться пока с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день; с нашими хозяевами. Мы должны стараться основать кассы и заботиться об их расширении. Мы должны устраивать стачки»...

Здесь впервые промелькнули нотки того, что впоследствии—названо было экономизмом.

Ничего худого в том, что виленские социал-демократы 1-го мая 1892 года начали поговаривать об организации касс и о стачках, не было.

Это показывало, что с.-д. хотят участвовать в широком рабочем движении и руководить им. Но когда говорилось о том, что каждый человек «не должен браться за то, чего он не в состоянии сделать», то как это ни странно, а очень скоро (и всего скорее в Вильне) пришли к тому, что стали выдвигать только экономическую борьбу рабочего класса, борьбу с хозяевами и отодвигать на задний план борьбу политическую и борьбу за социализм.

В Вильне это случилось—в первой несомненно на почве преобладания мелко-ремесленного производства.

Поскольку экономизм, отодвигая политические задачи рабочего класса и борьбы за социализм являлся оппортунизмом т. е. угодничеством буржуазии, ибо буржуазии всего более страшна борьба рабочего класса за социализм, за политическую власть,—постольку ремесленный западный край, с ремесленником, т. е. слоем промежуточным между пролетариатом и мелкой буржуазией, явился и первым так сказать поставщиком оппортунизма. На ближайшее время это отразилось и на праздновании Первого Мая, когда из него захотели вынуть его душу: борьбу с самодержавием и борьбу за социализм.

10. Первое мая 1892 года во внутренней России.

Условия празднования 1-го мая среди русских рабочих были благоприятнее 1891 года в том отношении, что появилась уже кое-какая Первомайская литература. К этому времени были отгектографированы 4 речи 1891 года, было отпечатано и их Женевское издание с предисловиями Г. В. Плеханова.

Само празднование повторено было в Петербурге и подготовлено в Туле.

О праздновании 1-го мая 1892 года в Петрограде рассказывает В. Карелина в № 4 «Красной Летописи» в статье «На заре рабочего движения».

«Организацию празднования подготовил центральный наш кружок. Был заранее разработан план, дорогу к месту собрания на Петровском острове нарисовали на бумажках и дали каждому участнику. Собрались аккуратно, и расположились с едой и чаем на берегу, как будто на прогулке. Было человек 200»... Однако собрание скоро должно было разойтись, так как патруль сообщил, что едут жандармы.

Через несколько времени произошло за Волковым кладбищем второе собрание, где собралось человек 200 и которое также было посвящено 1-му мая. На этом собрании выступал рабочий Егор Афанасьев и другие... Речи ораторов не представляют сравнительно с 1891 годом какого либо особого интереса или чего либо нового.

11. 1-ое мая 1893 года.

В этом году участие в праздновании 1-го мая приняли латышские рабочие. Однако празднование было очень скромно. 12 сознательных рабочих, представители рабочих кружков разных фабрик, отпраздновали 1 мая под открытым небом за Либавским озером.

В Польше 1-го мая 1893 года работу бросило в общем не более 8000 человек. В Вильне маевки охватили 400 человек. В Петербурге и в России ничего выдающегося не произошло.

12. 1-ое мая 1895 года.

О 1894 году мы не располагаем сведениями о каких либо значительных событиях, связанных с празднованием 1-го мая. Но 1895 год дает интересный материал.

В Западном крае майские собрания были организованы в Вильне, Минске, Варшаве и Сморгоне. Очень характерно, что на виленских собраниях, собравших около 250 организованных ремесленников и рабочих, доуинги на красных знаменах были чисто экономические.

Как известно, Парижский Конгресс 2-го Интернационала постановил 1-го мая выдвигать требование — 8-ми часового рабочего дня.

Скромные виленские социал-демократы оппортунисты написали на своих первомайских знаменах: «Мы боремся за 10-ти часовую рабочую день».

Когда Л. Мартов (в те времена примыкавший к революционному крылу социал-демократов), сверх намеченного порядка дня, пожелал выступить с докладом о политическом положении России и о политических задачах пролетариата, то организаторы собрания разрешили это выступление не без опасения, ибо предполагали, что воспитанные на экономической борьбе рабочие отнесутся не сочувственно к политической речи.

Однако, политическая речь была принята рабочими очень сочувственно.

В 1895 году и московские рабочие присоединились к празднованию 1-го Мая.

Эту маевку описывает тов. Мицкевич в своей статье «Очерки истории московской партийной организации» в сборнике «На заре рабочего движения в Москве».

«Приближалось» — пишет он, «1-е Мая, которое было решено отпраздновать, сделав как бы смотр нашей рабочей организации, подведя итоги нашей двухлетней работы. В апреле было издано по поводу празднования 4 листовка, которые широко разбрасывались по заводам. Предложение ознаменовать этот день забастовкой отклоняется лишь потому, что полиции тогда было бы

очень легко выловить всех сознательных рабочих; надежды на то, что к забастовке пристанет вся масса рабочих, у организации не было. В виду этого постановлено было день празднования перенести на воскресенье, 30-го апреля. На маевку собралось около 250 человек, представлявших до 30 фабрик и заводов. Собрание произошло около станции Перово. Там провели целый день. Говорили речи товарищи Мандельштам-Лядов и др. на темы о необходимости организации рабочего класса, о борьбе за политическую свободу, о 8-ми часовом рабочем дне... Была принята резолюция немедленно приступить к самой широкой массовой организации и завести прочные связи с другими городами. Настроение рабочих на собрании было очень приподнятое... После собрания пошли все толпой по направлению к станции. На следующий день 1-го мая на всех гуляньях в Сокольниках, на Девичьем поле— рабочие кучками слушали рассказы тех, кто присутствовал на маевке, и читали листки, розданные на празднике.

13. 1-го Мая 1896 года.

С 1893 года начинается небывалый расцвет русской промышленности; вместе с ним и увеличение стачечного рабочего движения. За 6 лет с 1893 года по 1899 год стачки охватывают не менее 450 тысяч рабочих, а с рабочими мелких ремесленных заведений не менее 500 тысяч человек. За время с 1895 по 1897 г. разрозненные рабочие соц.-демократические кружки объединяются в крупнейших центрах России в «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса».

В Петербурге во главе «Союза» стоит тов. Ленин; кроме Петербурга «Союзы» возникают в Москве, Екатеринославе, Киеве. Повсеместно от пропаганды в кружках переходят к массовой агитации.

В 1896 году появляется в Петербурге прокламация, посвященная 1-му Мая—скромный листок, отпечатанный на мимеографе в количестве 3 тысяч экземпляров.

Мы работаем много — говорила первомайская прокламация—мы создаем несметные богатства: золото и ткани, парчу и бархат... Все богатства мира созданы нашими руками... Но наша заработная плата едва хватает на то, чтобы существовать. Прокламация заканчивалась: «Недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись в стройные ряды, будем в состоянии открыто присоединиться к общей борьбе всех рабочих стран. И поднимется наша мускулистая рука, падут позорные цепи неволи; поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и всех прочих врагов рабочего класса».

К этому времени большинство старых деятелей «Союза борьбы» были во главе с тов. Лениным арестованы, но как раз первомайский листок был написан в тюрьме тов. Лениным и послан оттуда для печати.

«Особенно много шуму», говорит К. Тахтарев в своем очерке «Петербургского рабочего движения», «наделал майский листок «Союза», распространенный в количестве нескольких тысяч по всем заводам и фабрикам, где только имелись связи».

И. Ангарский в своих воспоминаниях о «Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», помещенных в № 7 журнала «Творчество» за 1920 год, упоминает о том, что листок написан тов. Лениным, также указывает на большое значение майского листка и говорит: «Не подлежит сомнению, что стачки 1894—95 годов, освещение этих стачек в листках Союза и, наконец, майский листок 1896 года—способствовали— в огромной степени росту сознательности широких масс интересов рабочих, поднимали энергию, поддерживали веру в победу и, главное, учили действовать сообща».

В Москве, по случаю коронации весной 1896 года, была такая полицейская слежка, что не удалось отпраздновать майский праздник.

Но в Нижнем-Новгороде были выпущены 2 майских прокламации.

В Саратове рабочие устроили сходку и говорили речи под красным знаменем.

В Западной крае, в Минске на празднике участвовало 300 человек, в Вильне свыше 500. На красных знаменах были лозунги: «Мы боремся за свободу собраний и печати». По сравнению с чисто экономическими лозунгами прошлого года это был некоторый шаг вперед, но о борьбе с самодержавием о задачах свержения царизма сказано не было.

В Царстве Польском частичные забастовки произошли в Варшаве и ряде других городов.

Заграничная организация Р. С. Д. Р. П.—группа «Освобождения труда» выпустила майский листок—брошюру.

14. 1-ое Мая 1897 года.

1897 год отмечен уже гораздо большим количеством майских прокламаций. Они появились в Западном крае, в Польше, в Петербурге, в Киеве.

В Киеве майские прокламации за подписью «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса» появились в этом городе впервые.

«Присоединимся же и мы»—говорила киевская прокламация—«ко всемирному рабочему празднику 1-го Мая. Пусть каждый из нас забудет свои частные мелкие дела и проникнется мыслью, что он член общей рабочей семьи и борец за общее и великое рабочее дело. Пусть скорей наступит то счастливое время, когда в день Первого Мая мы открыто и смело выйдем на улицу, развернем рабочее знамя и громко воскликнем,— Да здравствует Первое Мая, всемирный праздник рабочих. Да здравствует борьба за свободу и счастье!»

Первое Мая 1897 года ознаменовалось в Киеве также тем, что 530 железнодорожных рабочих бросили после обеда работу и отправились по домам или за город...

15. 1-ое Мая 1898 года.

1-ое марта 1898 года, как известно, состоялся Первый Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Со времени 1-го Съезда партия стала существовать как единая целая, и первого Мая 1898 года от имени партии было издано первое общее для всей России социал-демократическое майское воззвание.

По бокам его было напечатано: «8-ми часовой рабочий день»,—«Политическая свобода».

Первомайская прокламация 1898 года заканчивалась требованием «свободы стачек, слова, печати, собраний и союзов; свободы совести и вероисповеданий; равноправия всех национальностей и, наконец, созыва парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора.

Прокламация Центрального Комитета Партии таким образом носила резко выраженный политический характер, что, между прочим, вызвало сильное неудовольствие среди тогдашнего молодого поколения социал-демократов.

К слову сказать, это новое поколение так называемых экономистов, которого мы уже имели случай коснуться, отличалось тем, что противопоставляло борьбу экономическую—борьбе политической, непосредственно направленной против самодержавия.

По мнению экономистов—борьба за экономические требования, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения.

Левое крыло экономистов, пытаясь доказать, что они не отмахиваются от политической борьбы рабочего класса, выдвигало свое ученье о ступенях развития рабочего класса—так называемую теорию стадий.

По ней выходило, что на данной стадии, или ступени развития, пролетариат способен только к экономической борьбе, на следующей стадии возможен переход к политической борьбе и т. д.

Да и в самой экономической борьбе намечались различные стадии: 1) Борьба за 10-ти часовой рабочий день, 2) Борьба за 9-ти часовой рабочий день и, наконец, 3) Борьба за 8-ми часовой рабочий день и т. п.

Так как в России, по мнению даже левого крыла экономистов, возглавившегося газетой «Рабочее дело», была еще стадия борьбы экономической, то—ясно, что и социал-демократам, хотели ли бы они или не хотели, а приходилось, следуя стихийному рабочему движению и ступеням его развития, вести в России экономическую борьбу.

Таким образом, получалось тоже самое учение правоверного «чистого» экономизма—(его отстаивала газета «Рабочая Мысль»),—только прикрашенное якобы ученой теорией о стадиях и революционной фразой о том, что мы—«тоже не против политической борьбы».

Вследствие успехов массового рабочего движения 1893—1899 годов (в связи с небывалым расцветом промышленности, когда капиталисты считали возможным идти на некоторые уступки), увлечение экономической борьбой особенно выросло.

Вследствие постоянных арестов старое поколение социал-демократов, воспитанных в революционных традициях—было почти изъято из обращения.

Выросло молодое поколение людей преимущественно из разночинной и буржуазной интеллигенции, которое воспиталось на трудах так называемых «легальных марксистов»—Струве, Туган-Барановского и др., последние же с самого начала своей деятельности пошли по пути оппортунизма, т. е. отрицания социальной революции, отрицания борьбы рабочего класса за власть и т. д. и т. п.

Русский экономизм был самым настоящим оппортунизмом, когда оттягивал рабочих от политической борьбы и ограничивался борьбою на почве насущных мелких нужд рабочего класса...

Но борьба рабочего класса политическая, когда рабочий класс организовывается в отдельную партию, имеющую своей задачей политическую борьбу и борьбу за освобождение рабочего класса, настолько повышает общие силы рабочего класса, придает сплоченность его действиям, что сейчас же—и это впоследствии показал период девятисотых годов и революции 1905 года—усиливается и экономическая борьба рабочего класса и точно формулируются, выражаются его экономические требования.

Рабочий же класс без сильной партии, организованный в разрозненных кружках и кассах, не осмысливший своих политических задач—а работа экономистов как раз вела к этому—рабочий класс такого сорта был гораздо более приемлемым для буржуазии. И в этом смысле экономизм, хотел он этого или не хотел, услуживал, угождал буржуазии и был оппортунизмом.

Но в Центральном Комитете, выбранном на I-м Съезде, было сильно еще влияние старого поколения социал-демократов, так называемых стариков, и потому-то молодое поколение, т. е. экономисты или, как их называли, молодые так были недовольны первомайским листком 1898 года.

Что Петербургский Комитет Р. С. Д. Р. П., находящийся в руках молодых в своем первомайском листке, выражался гораздо скромнее: «будем добиваться сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, права стачек, права объединяться в союзы, и устраивать кассы, права собраний, свободы слова и печати, свободы политической».

Формулировка политических задач таким образом, по сравнению с листком Ц. К., очень осторожная...

В 1898 году впервые Харьков в примкнул к празднованию 1-го Мая, и было устроено несколько собраний, на которых присутствовало по несколько десятков человек.

Отпраздновали Первое Мая Иваново-Вознесенск, Кострома, Екатеринослав, Полтава, Тифлис.

Были попытки не работать в день 1-го Мая в Колпине и на отдельных заводах Петербурга.

В Царстве Польском—варшавские рабочие по призыву первомайских прокламаций устроили внушительную демонстрацию в Варшаве, где собралось около 2 тысяч рабочих. Такая же точно демонстрация была устроена в Сосновицах.

Бунд—иначе «Всеобщий еврейский рабочий Союз в Польше и Литве»—издал до 10 тысяч прокламаций и 2 брошюры. Кроме того, местные комитеты издавали свои прокламации.

Таким образом, майский праздник, несомненно, рос.

Вместе с этим росли и преследования правительства, каковое в 1891 году не придавало, по крайней мере во внутренней России, еще значения празднику рабочего класса.

К 1-му Мая 1898 года, по России, было произведено до 1000 арестов.

16. 1-ое Мая 1899 года.

В Петербурге вновь вышла прокламация, в которой снова экономисты выставили требования 10-ти часового рабочего дня.

Как бы в объяснение к этому прибавлялось, что рабочие на западе „при помощи стачек и союзов... добились 10-ти, 9-ти и даже 8-ми часового рабочего дня и хотя отчасти участвуют в управлении своей страной. Теперь на своем знамени 1-го Мая они все выставляют как свое ближайшее насущное требование: 8-ти часовой рабочий день и всеобщее избирательное право... и время, когда они добьются своего, уже не далеко. Мы, рабочие России, идем по тому же пути“.

Тут как нельзя лучше отразилась знаменитая теория стадий экономистов.

В таком же духе были составлены и листки Московского, Киевского, Екатеринославского и Донского комитетов. Это было время полного расцвета в партии экономизма.

Что касается самого празднования, то, например, в Киеве оно праздновалось небольшими кружками, хотя по городу и ездили патрули, и патрули же были поставлены у всех заводов. Были арестованы 2 собрания с 80 участниками и красным знаменем.

В Екатеринославе, где воззвание было написано и напечатано самими рабочими и где выставлены были политические требования и 8-ми часовой рабочий день, состоялось собрание до 100 человек, а рабочие Прицкого завода, придя утром на работу, объявили, что с обеда работать не будут.

В Харькове были листки, войска на заводах, а на городом собрание, на котором присутствовало 150 человек. В Одессе—собрание 60 организованных рабочих, в Саратове майские воззвания на гектографе.

В промышленных и культурных окраинах тогдашней Российской империи—в Польше и Прибалтийском крае 1-ое Мая 1899 года приняло следующие формы.

В Варшаве в назначенное для демонстрации место стеклось несколько тысяч рабочих.

Полиция старалась остановить толпу, но в конце концов потребовалось вмешательство казаков. В Домброве 2.000 домбровских углекопов прошли по улицам Домброва с пением революционных песен. В Либаве забастовка 1-го Мая старого стиля—скоро приняла характер всеобщей стачки и 5-го мая вылилась в грандиозную демонстрацию 20.000 рабочих.

Бунд выпустил 15.000 прокламаций и 3.000 с. листовым номером майского номера своей газеты „Голос Рабочего“. В Вильне в городском саду была устроена демонстрация, в которой участвовало до тысячи рабочих. При этом было поднято красное знамя, пропета марсельеза и раздавались крики: „долгой самодержавно“.

Сила жизни оказалась такова, что в Вильне, так сказать, родоначальнице оппортунизма и экономизма в 1899 году, несмотря на весь экономизм работников западного края, лозунг: „да здравствует политическая свобода“ сам собою вытекал, когда рабочим на демонстрациях приходилось сталкиваться с полицейскими и

10) С годами празднование Первого Мая в России принимает все более революционный характер, при упорных преследованиях и репрессиях со стороны царского правительства и, стало быть, вовлечении рабочего класса в борьбу с царским правительством.

11) В этом смысле первые 9 лет празднования Первого Мая в России глубоко отличны от празднования 1-го Мая западно-европейскими рабочими. Если там все более шли по дороге превращения Первого Мая в официальное, мирное, не угрожающее ни буржуазии, ни рабочим празднование, если там Первое Мая даже и не звали и не будило к борьбе, то в России Первомайский праздник становился как раз таким днем, который все перед большими и большими массами рабочего класса ставил самым непосредственным образом подлинную борьбу с царским правительством и капиталом.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй период 1 мая в России (1900—1904 г.).

1. 1-ое мая 1900 года.

Промышленный под'ем девяностых годов завершился кризисом. В 1900 году кризис, начавшийся с бывшего Царства Польского, перекинулся на Россию—Петербург, Москву и юг. Неизбежным следствием кризиса явились массовые расчеты рабочих и понижение расценок.

Расстройство хозяйственной жизни, наступившее после ряда лет, в течение которых бурно развивалось массовое стачечное движение, вырвав у правительства рабочие законы 1897 года, оказало сильное влияние на настроение всех классов населения, затронутых промышленным и соединенным с ним аграрным кризисом.

Происходит ряд волнений в высших учебных заведениях. Растет оппозиционное настроение — против самодержавия. Стачечное рабочее движение 1900 года по сравнению с годами предыдущими—годами промышленного расцвета,—правда, падает. Вместо 130.000 стачечников 1899 года, мы в 1900 году имеем всего 30.000 рабочих, участвовавших в забастовках. Но настроение рабочего класса все более меняется в ту сторону, что рабочие все сильнее интересуются обще-политическими вопросами, вопросами отношения к правительству и борьбы с ним.

Предмайская агитация в 1900 году находит гораздо более широкий отклик в массах, чем в предшествующие годы. Агитация разъясняет значение промышленного кризиса, как явления, вытекающего из противоречий капиталистического строя.

Главные события Первого Мая 1900 года во внутренней России—развернулись в Харькове.

В середине апреля в Харькове уже появились бро-

шюры, разъясняющие значение майского праздника, за неделю до Первого Мая вышли прокламации, призывающие не работать в этот день. Лозунги листовок — 8-ми часовой рабочий день, повышение платы, свобода печати, слова, стачек и т. д.

Поводом к разыгравшимся бурным событиям послужил арест в ночь на 1-ое мая семи рабочих паровозостроительного завода.

Утром железнодорожные рабочие вышли толпой и мастерских, подняли красное знамя и двинулись процессией в другой конец города для встречи с рабочим паровозостроительного завода. Скоро шествие столкнулось с казаками. В это самое время забастовал весь паровозостроительный, к нему присоединился Бельгийский завод и завод Гельфериха... Одновременно забастовали канатная фабрика, типографские рабочие, многие ремесленные мастерские.

Шествие железнодорожных рабочих, прорвавшись через казацкие заставы, соединилось с рабочими паровозостроительного завода, Бельгийского и других.

Из красных рубах сделали знамена и запели революционные песни.

В этой демонстрации приняло участие всего 10.000 рабочих.

Демонстрация кончилась тем, что казаки напали на демонстрантов, разогнали их и произвели аресты.

На следующий день на многих заводах рабочие отказывались приступать к работам до освобождения арестованных.

В то же время по отдельным заводам рабочие предъявляли местные требования и, не получая удовлетворения, вновь забастовывали. Требования сводились к повышению расценок, сокращению рабочего дня и участи представителей от рабочих при приемке работы. В железнодорожных мастерских эта стачка длилась 2 недели, на отдельных заводах по нескольку дней. Часть требований рабочих была удовлетворена.

В харьковских событиях, как мы видим, майская демонстрация связалась с экономической стачкой, политическое направление было сравнительно ре-

выражено. Так как это было первым крупным проявлением политического протеста рабочих в таких широких размерах во внутренней России, то харьковская майская демонстрация оказала сильное впечатление, а особенно сильно было ее влияние на рабочие массы юга.

Петербург в 1900 году, в день Первого Мая еще не выступил открыто.

Вышли лишь две прокламации, каждая по пять тысяч экземпляров.

Надлежит отметить, что на этот раз политические требования были сформулированы несомненно яснее, чем в прокламациях прошлых годов.

«Что ни делают царь и жандармы, министр и помещик, — говорила прокламация, — наше дело идет вперед... Мы развернем наши знамена, на которых будет блистать при весеннем солнце наши требования: да здравствует самодержавие, да здравствует свобода, право составлять союзы и собрания, право думать и верить как хочешь, 8 часов работы! Да здравствует победа правды и рабочего класса!»

1-го мая 1900 года прокламации были, кроме того, вывешены в Киеве, Ростове, Москве, Екатеринославе, Одессе.

Удались нелегальные маевки в Киеве, Одессе; приготовились к демонстрациям в Киеве и Екатеринославе, но из-за провалов и полицейских мер демонстрация не удалось организовать.

В Тифлисе Первое Мая праздновали по-прежнему преимущественно за городом, в ущельях, но развернули красные знамя с портретами Маркса, Энгельса и Лассалья и говорили речи. В Николаеве Первого Мая забастовали только некоторые цехи механических заводов.

Что касается Польши, то в Варшаве, несмотря на то, что улицы Первого Мая были заполнены войсками, в Уjazdовских аллеях собралась двадцатитысячная рабочая демонстрация. Демонстранты несли знамя и пели революционные песни, а стычки с казаками и войсками продолжались до 10 час. веч. Было арестовано 3.000 демонстрантов.

Демонстрация была назначена на 22-е апреля.

За неделю перед этим вышла прокламация, об'яснявшая значение маевки. Затем вышло еще несколько листов. Рабочие уже настолько были подготовлены мысли о демонстрации, что брали прокламации на расхват.

Правительство привело себя в полную боевую готовность.

Тем не менее рабочие табачных фабрик и железных дорожных мастерских собрались в количестве 3.000 человек на Базарной площади и подняли знамя с портретом Маркса, Энгельса и Лассала.

Была сделана попытка произнести речь, но в это время на демонстрантов бросились солдаты, полиция и казаки, которые вскоре очистили площадь. 43 человека было арестовано, ранено саблями—24, большинство в голову, и знаменосец в том числе.

В Петербурге майское движение вспыхнуло непосредственно в день Первого Мая ст. стилия и вел за ним.

В Петербурге на Выборгской стороне забастовали рабочие ткацкой фабрики Чешера, предъявив требование 8-ми часового рабочего дня, и перешли к другим фабрикам и заводам района, сводив рабочих. Забастовали завод Леснера, фабрика Воронина, Сампсониевский и др., выставляя свои требования; на некоторых фабриках забастовки длились неделю.

4-го мая забастовщики Выборгской стороны пытались пройти в центр города для демонстрации. У Сампсониевского моста их встретила полиция. Рабочие пытались прорваться насильно, пускали в ход камни и ножи. В происшедшей свалке было ранено много рабочих.

1-го мая 1901 года бастовали также Невский завод, часть рабочих Путиловского завода, часть рабочих Обуховского завода.

Обуховцы пытались уже в 1900 году организовать празднование 1-го мая. В 1901 году это обуховцам в части удалось. Бастовало 1500 рабочих.

7-го мая администрация Обуховского завода, в лице подполковника Иванова, помощника начальника завода, стала расчитывать рабочих, не работавших в день 1-го мая. Первоначально хотели расчитать всех неявившихся на работу 1-го мая. Но, наконец, решили уволить 30 наиболее «неблагонадежных».

Этот поступок администрации послужил поводом для возникновения стачки.

Рабочими были предъявлены следующие требования: прекращение увольнений, увольнение помощника начальника, 8-ми часовой рабочий день, отмена ночных работ и штрафов, повышение расценок и вежливое обращение.

Значительная толпа рабочих собралась на Шлиссбургском тракте, а к ней присоединились рабочие Александровского завода и работницы карточной фабрики.

Предполагалось устроить демонстративное шествие. Между тем прибыл отряд пешей и конной полиции, который и пытался рассеять рабочих. Однако, натиск полиции смел полицию. Подошедший с чинами полиции отряд конной железной дороги, был засыпан градом камней. На головы конных патрулей толпа опускала куски пластабаума. Подоспевший воинский отряд отнес рабочих с тракта и загнал их в ворота карточной фабрики.

Рабочие заперли и забаррикадировали ворота изнутри и обсыпали жандармов и конную стражу камнями и кирпичами, так что последние принуждены были отступить.

Трижды отряд пеших городских пытался овладеть воротами и трижды рабочие отбивали городских залпами камней.

Наконец, были затребованы эскадрон жандармов, роты пехоты, отряд городских и морская команда, которые и открыли огонь вдоль проспекта.

По официальным данным было убито три рабочих, ранено было очень много и тысячи рабочих были арестованы и на баржах отправлены в город.

С 1901 года начинается работа в армии и работа в деревне.

При таком оживлении обще-политической жизни и усилении партийной работы социал-демократов удивительно, что, если первое мая 1901 года отмечалось событиями в Петербурге, Харькове, Киеве и т. д., а всего в 19 городах и местечках России, включая и окраины, то за 1902 год газеты описывают первомайское празднество уже в 36 городах и местечках.

Движение поистине стало всероссийским.

Особенно отмечены события 1-го мая 1902 года в Вильне, Саратове, Сормове и Нижнем.

В Вильне, несмотря на то, что губернатор фон-Валь принял весьма энергичные меры, лично руководя действиями казаков и пехоты, состоялась многочисленная демонстрация, а вечером в городском театре на публику посыпались прокламации. На другой день после майской демонстрации фон-Валь, осыпав арестованных руганью, поочередно приказал выпороть, дабы „другой раз они не пришли демонстрировать“. Все и были высечены, при чем давали от 25 до 50 ударов, а в рот вкладывали дощечку, чтобы истязуемый не мог кричать.

Сапожник Гирша Леккерт ответил на это издевательство над рабочими выстрелом в фон-Валя, причем генерал был ранен в руку и в ногу, а Леккер схвачен и потом повешен.

Сечение розгами в мае этого года повторилось в Минске, Екатеринославе и на воткинских заводах в Вятской губернии.

„Искра“ по этому поводу писала: „Режим массового применения розги одновременно появился на Западе, на Востоке и на Юге России,—среди великорусского, малорусского и еврейского населения.

В Саратове состоялась демонстрация на базарной площади, ядро которой составили „состоявшие под надзором полиции и высланные в Саратов лица“. Было поднято несколько знамен, а вокруг ядра двигалась многочисленная толпа. Знамена развевались по край-

ней мере в течение 20 минут. Массового избивания на этот раз не было, но арестованные были отданы под суд и присуждены Судебной Палатой к ссылке на поселение.

Необходимо отметить, что саратовская полиция прибегла в этом случае к особому способу воздействия на демонстрантов: переодетые жандармы и городовые вместе с хулиганьем занимались отдельным избиванием участников демонстрации, дабы создать впечатление, что „свалка происходит среди самих демонстрантов“.

Приблизительно такого же размаха события произошли в Нижнем, где демонстрация прошла по городскому бульвару с красным знаменем, на котором было написано: „долгой самодержавие!“ Сама демонстрация была немногочисленна.

Вато в Сормове демонстрация, устроенная рабочими, оказалась гораздо более многолюдной.

Правда, часть забастовавших рабочих произвела разгром заводской конторы, но социал-демократы во главе с рабочим Заломовым удержали массу и сумели в конце концов организовать многолюдную политическую демонстрацию.

Огромная толпа демонстрантов направилась по большой дороге и все время шла с пением революционных песен. Когда она поровнялась с войсками, то, пройдя мимо всего строя оторопевших солдат, стройно и тихо повернула и пошла обратно, а затем, дойдя до завода, разошлась по домам. Только один рабочий знаменосец не захотел уходить домой и остался до тех пор, пока его не окружили и не арестовали.

Разгром заводской конторы, лавки и канцелярии пристапа не омрачил собою величавой демонстрации, а только показал силу влияния социал-демократии, которая смогла двинуть массу по правильному пути, смогла остановить массу от продолжения погрома.

Что касается майской литературы 1902 года, то социал-демократическая партия выпустила в нескольких изданиях общую прокламацию для всей России со следующими лозунгами: «да здравствует российская социал-демократия!—да здравствует 8-мичасовой рабо-

чий день! да здравствует политическая свобода! долгой самодержавие!»

В начале мая 1902 года на ст. Тихорецкой произошли события, которые, строго говоря, непосредственного отношения к празднику Первого Мая не имеют. Но события на Тихорецкой характерны для определения тогдашнего настроения рабочих.

Некая Татьяна Золотова, не имевшая никакого отношения к революции, была арестована в вагоне судебным следователем. Далее последовала загадочная смерть Золотовой. Молва приписывала эту смерть казачьей полиции, подвергшей Золотову изнасилованию. Тогда то рабочие железнодорожных мастерских ст. Тихорецкой произвели демонстрацию, немедленно ставшую политической демонстрацией. Рабочие заставили вырыть труп Золотовой для расследования и разгромили станичное правление. Дело Золотовой, таким образом, было вырвано из области канцелярской тайны, послужило предлогом оживленного обсуждения в печати и, вместе с тем, чрезвычайно подняло рабочие массы в глазах российского общества.

4. 1-ое Мая 1903 года.

В течение зимы 1902 года—1903 года произошло ряд политических демонстраций рабочих в Тифлисе, Варшаве, Сувалках, Белостоке, Одессе, Томске, Вильне, Ростове-на-Дону, Батуме и Баку. Наиболее крупными были в 1903 году февральские и мартовские демонстрации на Кавказе и в Ростове-на-Дону. Из этих демонстраций особенно выделялась демонстрация в Ростове-на-Дону, организованная социал-демократическим комитетом. Во время свалки с подоспевшей к концу полицией был смертельно ранен пристав. Пользуясь этим обстоятельством, тогдашний всеисильный министр внутренних дел Плеве впервые применил к уличным демонстрациям прием предания военному суду случайно выхваченных участников, из которых трое—рабочие Куксин и Колосков и интеллигент Браиловский—были

приговорены к смертной казни и, по смягчении приговора, отправлены на каторгу вместе с несколькими другими рабочими.

В этом же году усиливается стачечное движение рабочих, поднявшись с цифры 37.000 в 1902 году до цифры 87.000 стачечников в 1903 году.

В марте 1903 года происходят кровавые события на казенном заводе в Златоусте.

Мирная экономическая забастовка была уфимским губернатором Богдановичем превращена в кровавое побоище, где войска, по приказанию Богдановича, открыли огонь по 5.000-ой рабочей толпе.

69 рабочих было убито, 100 ранено, а события в Златоусте 13 марта 1903 года явились новым поводом возмущения против самодержавного правительства.

В Российской социал-демократической партии в это время экономизм окончательно теряет все свое влияние, а тогдашнее положение всего лучше характеризуется товарищем Лениным в его статье „Новые события и старые вопросы“, в № 29 „Искры“, и в статье „Самодержавие колеблется“, в № 35 „Искры“.

Первая статья относится к декабрю 1902 года, вторая—к марту 1903 года.

„Как ни далеко было от настоящего восстания начало этого, повидимому, стачечного движения в далеком провинциальном городе (Ростов-на-Дону)“, писал тов. Ленин в первой статье,—„а его продолжение и его финал невольно наводили на мысль именно о восстании... И тысячу раз прав был Донской Комитет, который в прокламации... говорил всем гражданам о ростовской стачке, как об одном из приступов к общему подьему русских рабочих с требованием политической свободы. На событиях такого рода мы, действительно, наблюдаем именно, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный, следующий шаг самого движения“.

А в статье „Самодержавие колеблется“, касаясь нарского манифеста от 26-го февраля 1903 года с его

полутрусливым, полулицемерным обращением самодержавия за помощью к „людям, облеченным доверием общественным“, товарищ Ленин говорит: „Мы должны стараться выпести ответ рабочим и на улицу, заявить свои требования путем демонстрации, показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность. Пусть предстоящая маевка вместе с общим заявлением наших пролетарских требований будет и особым специальным определенным ответом на манифест 26 февраля“.

При таком ходе событий, когда почва под ногами самодержавия становилась накаленной, рядом с колебаниями—царское правительство производило ожесточенные атаки на растущее революционное движение.

Как раз перед 1-м Маем 1903 года Плеве подарил России ужасы еврейского погрома в Кишиневе.

Кишиневские события начались в воскресенье, 6 апреля, т. е. всего за 12 дней до заграничного 1-го мая, а газета черносотенца и погромщика Крушевана („Бессарабец“) прямо заявила: „Кишиневский погром является ответом христианскому населению на еврейское революционное движение“.

„Цель погрома“, писал тов. Ленин („Мобилизация реакционных сил и наци задачи“, № 41 „Искры“ от 1-го июня 1903 года)—„очевидна: отвлечь внимание народных масс от борьбы с самодержавием, озлобить политически неразвитую часть населения против революционного движения, внушив ей ужас перед всяким уличным движением, создать для социал-демократии моральные и технические препятствия в развитии демонстрационного движения и, наконец, мобилизовать все реакционные силы, которые можно было бы двинуть в бой против революционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции“.

И, действительно, после Кишиневского погрома полицейские власти в других городах прямо предупреждали, что если первомайские демонстрации состоятся, то ответом на них будет погром.

В силу этого во многих городах демонстрации были отменены.

Так случилось—в Киеве, Одессе и Житомире. В Киеве еврейский комитет самообороны прямо обратился ко всем революционным организациям, прося не устраивать Первого Мая демонстрации.

Однако, несмотря на подготовку черных сотен, несмотря на мобилизацию войск и полиции, празднование Первого Мая в 1903 году в разных формах захватило 63 города и места в пределах бывшей Российской империи.

Распространено было по России более одного миллиона майских прокламаций.

Обращаясь ко всем рабочим, прокламация,—орган комитета по созыву съезда РСДРП, говорила: «На улицу повем мы вас, товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огни в печах. Давайте тревожный сигнальный гудок... Сегодня наш рабочий праздник, праздник борьбы. Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы... Каждая страна в перекличке выступает вперед и говорит: я здесь... Потребуем вместе с другими 8-ми-часового рабочего дня для рабочих всех стран. Потребуем политической свободы для нас. Долой самодержавие! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует 8-ми-часовой рабочий день! Да здравствует майский праздник! На улицу, товарищи!»

Прокламация, выпущенная Петербургским Комитетом к Первому Мая 1903 года, шла еще дальше, чем указанная прокламация организационного комитета Р. С. Д. Р. П. по подготовке созыва 2-го Партийного Съезда, образовавшегося из представителей Петербургского Союза Борьбы, организации «Искры» и группы «Южного Рабочего».

Петербургский Комитет выпустил воззвание ко всем петербургским рабочим и работницам.

Оно заканчивалось: «Русские рабочие, в день Первого Мая бросайте работу все сразу и покажите царю и его правительству, что то время уже не за горами, когда вы отомстите за все и за убитых рабочих ростовцев и влатоустцев и за расстрелянных по царскому приговору голодных крестьян, за многие тысячи убитых!»

Во имя наших погибших товарищей дайте себе в день Первого Мая клятву не успокоиться до тех пор, пока не сотрете с лица земли их убийц, пока не уничтожите проклятие нашей родины, самодержавие! Да здравствует народная республика! Да здравствует 8-ми часовой рабочий день! Да здравствует социализм!»

Характерно, что и прокламация Центрального Комитета Бунда заканчивалась: «Да здравствует международная пролетарская солидарность и социализм! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» — Так и еврейское рабочее движение, где особенно сильны были экономические течения и воззрения, силою жизни пришло к выставлению политических лозунгов, пройдя длинный путь от майского лозунга: «10-ти часовой рабочий день» к майскому же лозунгу: социализм.

Несмотря на все препятствия, майский праздник 1903 года является, действительно, как бы выражением победного шествия и развития рабочего движения в России. Не обошлось дело и без кровавых столкновений. Так, в Балаханах, при столкновении демонстрантов с войсками, был убит один и ранено несколько рабочих.

5. 1-ое мая 1904 года.

В 1904 году первомайский праздник справлял свою 15 годовщину.

Интересно, как такой человек, как Мартов, в то время уже меньшевик, после раскола на 2-ом Съезде Р. С. Д. Р. П. в 1903 году, Мартов, уже вступивший на путь оппортунизма, но еще не порвавший со своим революционным прошлым, оценивал 15-летнюю годовщину майского праздника.

«Встреченное восторгом рабочими разных стран это празднество обещало, повидимому, стать такой небывалой еще манифестацией, которой суждено расшатать современный порядок... Но прошли годы, и буржуазный мир приспособился к ежегодной революционной демонстрации своего врага... Годичная демонстрация стала

занимать во всей борьбе относительно все более скромную роль... Политическое значение майского праздника как революционной манифестации против буржуазного мира, несомненно, ослабело... Только на окраинах всемирной империи капитала, во вновь пробуждающихся к современной классовой борьбе странах, майский праздник сейчас, как и 15 лет назад в Западной Европе, становится днем, когда силы старого и нового мира меряются друг с другом». («Искра» № 64, 18-го апреля 1904 года, статья «1-ое мая». — Редакция «Искры» в это время была уже в руках меньшевиков).

1904 год был уже в России годом русско-японской войны. Тогда уже начались военные поражения русского самодержавия, связанные с войною, промышленной застой и дороговизна жизни. Волна недовольства глухо подымалась, и наступало то обычное как будто бы затишье, которое всегда предшествует буре.

Знаменитые летние забастовки 1903 года, охватившие все промышленные центры Кавказа и юга России — Баку, Одессу, Киев, Елизаветград, Николаев, Екатеринослав, Конотоп, Феодосию, Керчь, были забастовками, в которых экономические требования тесно переплелись с требованиями политическими.

Митинги в десятки тысяч человек, такие же политические демонстрации, схватки с полицией и казаками — вот обстановка летней забастовки 1903 года.

О размахе движения можно судить по тому, что на одном Кавказе бастовало до 80.000 рабочих. Все движение прошло при живейшем участии и руководстве социал-демократии, вовлекло в классовую борьбу громадные массы пролетариата, стоявшие до этого времени в стороне, втянуло массы пролетариата в область политических интересов и обострило политическое раздражение... Всеобщая стачка 1903 г. явилась как бы предвестником всеобщей стачки 1905 г.

С одной стороны, это могучее движение пролетариата, которое в конце концов достигло и в области экономической некоторых результатов, улегшись, не могло сразу возникнуть и развернуться с той силой, с какой оно и развернулось через 2 года — в 1905 году. С дру-

гой стороны, борьба с самодержавием становилась уже не только лозунгом первомайского праздника, она становилась практической задачей настоящего момента, она становилась, если так можно выразиться, задачей всей повседневной работы. Вся деятельность социал-демократической партии направлялась теперь к тому, чтобы ежедневно, еженедельно, ежемесячно путем пропаганды, агитации и организации подготавливать момент окончательной схватки рабочего класса с царизмом.

Поэтому нет ничего удивительного, что праздник 1-го Мая 1904 года не занимает того исключительного внимания социал-демократов и большевиков и меньшевиков (в то время еще кстати лишь переживавших первый период своих разногласий), как это было в предыдущие годы. Вопрос для партии ставится теперь не только о праздновании 1-го Мая, а о том, что революция действительно близка и неизбежна.

Тем не менее Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии выпускает одну из лучших своих листовок, которая заканчивается словами: «Да светит нам ясно майское солнце. Да здравствует российская, да здравствует международная социал демократия».

Удачные демонстрации произошли 1-го Мая 1904 г. в Варшаве, Риге, Митаве и Гомеле, но кроме этого маевку праздновали нелегальными собраниями в Петербурге, Москве, Одессе и в целом ряде городов и мест России. Майские прокламации стали в городах вообще обычным явлением...

Необходимо отметить, что в некоторых городах, как например, в Риге и Митаве, рабочие в первомайское празднество, ожидая нападения полиции, организовали боевые дружины, вооруженные кинжалами, ножами, палками и т. д., при чем в стычках с полицией эти дружины действовали очень удачно.

Насколько же общие события и в частности война заполняли собою в то время все, видно из того обстоятельства, что первомайские листки 1904 года в большинстве, воспользовавшись фактом войны, связали прежние лозунги с лозунгами против милитаризма.

6. Некоторые выводы о втором периоде майского праздника в России.

Второй период майского праздника в России, отмеченный годами 1900—1904, характеризуется следующими основными чертами:

1) Первомайское празднество от года к году захватывает все большее количество мест в России, становясь всероссийским праздником рабочего класса.

2) Прежние осторожные экономические лозунги сменяются лозунгами политической борьбы с ясным требованием: Долой самодержавие.

3) Майский праздник, начиная с 1900 года, все более обнаруживает стремление сочетаться с широкой политической демонстрацией, оканчивающейся стычками, схватками с войсками и т. д.

4) Майский праздник вырастает, вместе с повышающимся политическим сознанием рабочего класса и усилившимся влиянием социал-демократии, в которой экономизм побежден искровцами, т. е. течением революционной социал-демократии.

5) Наивысшего пункта развития майское празднество достигает в 1903 году, когда празднество получает еще невиданный по всей России размах.

6) В то же время начинается самая энергичная контратака царского самодержавия против майского праздника: К прежним арестам и обыскам присоединяются розги—Вильна и т. д., попытка организовать черную сотню—Саратов, и наконец погромы в ответ на майский праздник—Кишинев.

7) 1904 год приносит как бы меньший размах майского праздника. Но явление это чисто кажущееся, ибо поглощается общим ходом событий, войною, растущим движением на пути к непосредственной схватке с самодержавием, т. е. на пути к революции 1905 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Майский праздник в годы революции (1905—1907 г.).

1. 1-ое Мая 1905 года.

Чтобы понять обстановку, при которой происходило в 1905 году празднование 1-го Мая, необходимо принять во внимание, что в то время уже прошла „правительственная весна“—результат поражения царизма на Дальнем Востоке и растущего противоправительственного движения; земско-либеральное движение в конце 1904 года выступило со своими банкетами, на коих либеральные земцы говорили о конституции, прокатились Бакинские забастовки с их кровавым концом и политическими требованиями пролетариата и, наконец, поднял на ноги всю Россию кровавый день 9-го января в Петербурге, и с последующим отголоском после-январских дней и массовым движением по всей России.

Уже 18-го января 1905 года, в № 4 тогдашней большевистской газеты „Вперед“, в статье „Начало революции в России“, тов. Ленин писал: „Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран... И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах“.

Определяя задачи, тов. Ленин говорил: „Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента“.

А открывая в том же № газеты „дневник русской революции“, статьей „Революционные дни“, тов. Ленин ясно ставил задачу—вооружения рабочих масс. „Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты“, писал он, „сознают себя воюющей стороной и тогда... Тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по планам не одних только великих князей и царей. Призыв: к оружию—раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно“.

При всех тогдашних разногласиях у большевиков с меньшевиками, при уже вскрывшемся у меньшевиков равеннии на буржуазный либерализм, и меньшевики оценивали события начала 1905 года в России, как—„начало революции“. Об этом одинаково в „Искре“ писали и Дан, и Мартынов, и Мартов.

А после 9-го января, за 4 месяца до 1-го Мая 1905 года, по России пронеслось массовое рабочее движение, вспыхнуло массовое крестьянское движение, усилилось либеральное и демократическое движение, вышел 18 февраля 1905 года высочайший манифест на имя Булыгина о намерении царя привлечь „облегченного доверием народа людей к участию в разработке и обсуждении законодательных предположений“...

Самодержавие зашаталось... Вся страна кипела, высшие учебные заведения бастовали, помимо разрешения властей возникли политические профессиональные союзы, демократии, происходили съезды, организовывался крестьянский союз и в то же время, колеблясь, где где как бы уступая, царизм перешел в наступление, и уже начинались избиения евреев и революционеров, предвестники массовых погромов конца 1905 года.

В этой напряженной атмосфере, когда с очевидностью стал вопрос о последней решительной схватке с самодержавием, прежнее значение 1-го Мая, как

дня агитации, как дня политической демонстрации, несомненно должно было в значительной мере потерять свое значение.

Если уже в 1901 году один петербургский рабочий писал: „Теперь нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать“,—то весной 1905 года как раз вопрос стоял не об агитации, ибо в наиболее темных местах, в какой-нибудь захолустной фабрике—рабочие на глазах губернатора поднимали руки „за всеобщее избирательное право“ и свержение самодержавия, вопрос стоял не о безоружной демонстрации, которая могла кончиться лишь избием и разгромом невооруженных масс, и после 9-го января было бы величайшей глупостью создавать новое 9-ое января, а вопрос стоял об организации масс, о вооружении масс, о подготовке вооруженного восстания, о моменте этого восстания...

При известных обстоятельствах таким моментом мог бы явиться и день 1-го Мая, но так как ход событий в революции можно угадывать лишь приблизительно, то, во-первых; революционная социал-демократия не могла связывать себя каким-либо днем или сроком восстания.

В силу всех описанных нами причин Первое Мая 1905 года также, и даже пожалуй более, тонет в клубке всех революционных событий, чем 1-ое Мая 1904 года.

Вот что писало в своей Первомайской прокламации тогдашнее „Бюро Комитетов Большинства“, т. е. тогдашний русский центр большевиков, в своей прокламации ко всем рабочим и работницам России: „Против вооруженной силы можно выступить только с оружием в руках; мы двинемся стройными рядами, с ружьями на плечах, с боевыми патронами, с различными бомбами. Но Первое Мая не может быть, конечно, днем всеобщего вооруженного восстания. Вооруженное восстание нельзя заранее назначить. Пойти Первого Мая на улицу было бы безумным. Довольно уже положили наши спины нагайками и шашками. Выйти вооруженными—преждевременно. Но у нас есть спо-

соб ознаменовать международный праздник пролетариата: объявить на Первое Мая всеобщую забастовку“.

Другая большевистская прокламация говорила так: „Пусть Первое Мая этого года будет для нас праздником народного восстания. Давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на царизм. Мы свергнем царя и назначим временное революционное правительство. Готовьтесь же к великому бою. Товарищи-рабочие, останавливайте фабрики и заводы 1-го Мая или беритесь за оружие согласно с Советом Комитетов Российской социал-демократической рабочей партии. Час восстания еще не пробил, но он уже не далек“.

Кажущееся противоречие станет понятным, если взять круговое «письмо организациям» от Бюро Комитетов большинства; там было написано: «мы не берем на себя невыполнимых организационных обязательств устроить вооруженную демонстрацию, но мы имеем по нашему плану возможности и демонстрации и даже восстания».

Сопоставление всех указанных нами мест как раз приводит к заключению, что для большевиков первомайский праздник приобретал значение либо как день восстания, либо как во всяком случае возможность выступить по иному, чем прежде, отнюдь не «мирной» демонстрацией.

В какой степени партия не могла назначить дня восстания, она ограничилась лишь указанием, при этом совершенно правильным, что час восстания не далек. При этом партия отнюдь не связывала себе руки, ибо по ходу обстоятельств трудно было учесть, какую форму выступления надобно организовать Первого Мая 1905 года.

Со всем тем лозунг борьбы, лозунг вооружения масс, подготовка масс к мысли о близости последней схватки проникает все прокламации большевиков.. Это, между прочим, дало повод одному из самых заядлых оппортунистов или, как назвал его тов. Ленин, «горе-социал-демократов», Акимову-Махновцу писать впоследствии: «Большевики удерживали пролетариат от вооружен-

ного восстания, как Мефистофель удерживал Фауста от рокового поцелуя Маргариты.

Что касается первомайской позиции меньшевиков, то и тогда уже в этой почтенной партии были крупнейшие разногласия.

В то время как петербургская группа меньшинства заявляла: «Мы не предпреемаем, в какие формы выльется празднование, но лучшим видом майского выступления мы считаем у нас демонстрацию с вооруженным отпором в виду русских условий», Л. Мартов, в статье «Первомайский успех и неудачи», в № 100 «Искры» от 15 мая 1905 года, т. е. уже после 1-го Мая 1905 г., заявил, что утверждение, что «движение уперлось в восстание» должно быть отвергнуто...

Как же прошло празднование 1-го Мая в России в 1905 году?

В Петербурге было распространено около 100.000 прокламаций, но на улицу вышли только организованные рабочие, в количестве до 3.000 человек.

Из этого факта меньшевики вывели заключение (и первый Л. Мартов), что произошел полный, так сказать провал... Меньшевики упустили из виду лишь то обстоятельство, что со времени 9-го января не прошло еще и 4 месяцев, а предвидеть события октября 1905 г. меньшевикам было не дано.

В Москве дело ограничилось нелегальными митингами, так же спокойно прошли первомайские дни в Екатеринославе, Киеве, Одессе и др. местах.

В Риге социал-демократы отказались от первомайской демонстрации, заявив, что борьба будет только тогда победоносной, когда «мы сумеем с оружием в руках встретить царских солдат и мы готовимся зовем к этому наших товарищей».

Никаких событий не было в Гомеле и Бердичеве. Но в некоторых городах Западного края, Двинске, Кривопольске, Пинске и друг., забастовки прошли.

В Царстве Польском первомайские события вылились в забастовку. Однако, в виду скопления войск, не удалось сконцентрировать массу в одном каком-либо месте... Забастовка была и в Варшаве, но и здесь «и

кровавую баню» не решились и от массовой демонстрации вообще отказались. Лишь польская социалистическая партия, не предупредив другие партии и организации, устроила шествие по Уяздовской аллее, которое кончилось тем, что казаки без предупреждения открыли огонь и убили 30 человек, а ранили 100.

2. 1-ое Мая 1906 года.

За год, с 1-го Мая 1905 года по 1-ое Мая 1906 года, Россия пережила величайшие революционные события.

Октябрьская забастовка 1905 года. Вырванный у правительства Николая II манифест 17 Октября.

Обещание правительства созвать Государственную Думу и созыв таковой 26-го апреля 1906 года. Отход либералов и буржуазного либерализма от революции. Московское декабрьское вооруженное восстание—момент, когда самодержавие кажется на краю гибели и потом все-же одолевает восстание. Следующая за поражением восстания реакция. Новый подъем массового движения и уже упомянутый нами созыв Думы.

Как большевизм определял в те времена момент, всего лучше видно из той резолюции, которая, по предложению товарища Ленина, была принята в Петербурге Народным Собранием 9-го мая в доме Паниной, на каковом собрании и выступал сам тов. Ленин.

Резолюция гласила: «Собрание обращает внимание всех граждан на то, что, организуя погромы и непрерывно усиливая полицейский и военный произвол, самодержавное правительство явно глумится над народным представительством и готовится насильем ответить на всеобщие требования свободы, на требование земли крестьянством. Собрание заявляет, что партия народной свободы — кадеты, выражают лишь робко и не полно народные требования, не выполняют своего обещания объявить созыв Всенародного Учредительного Собрания. Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью».

«Собрание призывает крестьянскую («трудовую») и рабочую группу в Государственной Думе выступать решительно, совершенно независимо от кадетов, каждый со своими самостоятельными требованиями и заявлять полностью требования народа. Собрание обращает внимание всех ценящих дело свободы на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа. Собрание выражает уверенность, что пролетариат попрежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа».

Таким образом большевизм по прежнему стоял на точке зрения борьбы вне думы, т. е. на точке зрения выступления широких масс. В связи с новым подъемом движения задача восстания не снималась с очереди.

Товарищ Ленин в статье: «Борьба за свободу и борьба за власть», в вышедшей тогда легально в Петербурге газете «Волна», в № 10 от 6 мая 1906 года, так определял ближайшую задачу: «Мы не должны форсировать событий. Ускорять взрыв сейчас не в наших интересах. Это не подлежит сомнению. Этот урок мы должны извлечь из опыта конца 1905 года. Но это только небольшая задача. Это—чисто отрицательное определение нашей тактики. Кто ограничивается этой стороной дела, кто возводит эту отрицательную задачу в нечто положительное, тот неудержимо скатывается до роли буржуазных соглашателей народной свободы с самодержавием... Все наши помыслы, все усилили всю нашу пропагандистскую, агитационную, организационную и непосредственно практическую работу мы должны направить на то, чтобы пролетариат и крестьянство оказались более подготовленными к новой решительной борьбе... От сплоченности, сознательности, выдержанности и решительности передового класса зависит многое, если не все в исходе великой революции».

Поскольку, стало быть, вставала задача большей сплоченности, большей организованности пролетариата

втягивания в движение широчайших прежде отсталых масс его, в какой степени, с другой стороны, наличие подема, несмотря на декабрьское поражение, у пролетариата было; непосредственно же форсировать события, т. е. ускорять восстание было нельзя, — в такой мере день Первого Мая 1906 года приобретает снова по всей России выдающееся значение, как день организации, сплочения пролетариата, как день смотра его сил.

При этом надлежит отметить, что, в силу отхода от революции буржуазного либерализма этот смотр пролетарских сил приобретает еще значение в том смысле, что Первого Мая 1906 года к празднованию присоединяется—естественный союзник пролетариата — крестьянство, которое пролетариат должен вести за собою в борьбе против самодержавия...

Празднование 1-го Мая 1906 года протекает в главных чертах следующим образом:

Петербург.—Общее число предприятий, праздновавших Первое Мая, превышало 500, со ста тысячами рабочих. В большинстве случаев происходили митинги. В большинстве районов—заводские демонстрации с красными знаменами и с пением революционных песен, при чем кое-где поется уже Интернационал.

Москва.—Бастовали металлургические заводы, с числом до 60.000 рабочих и все типографии. Вследствие полицейских мер демонстрации в городе не удались, но на окраинах происходили митинги, а также мавки по селам под Москвой.

Варшава.—Грандиозная всеобщая забастовка. Весь город точно вымер. В рабочих, кварталах вывешены красные флаги. Пустые вокзалы. Закрытые аптеки и т. д. и т. д.

Лодзь. Всеобщая забастовка.

Западный край. В большинстве городов—забастовка.

Во внутренней России и на Кавказе почти полная забастовка: в Рязани, Киеве, Сумах, Владикавказе, Брянске, Полтаве, Пензе, Екатеринославе, Елисаветграде,

Ростове, Костроме, Казани, Севастополе и частичные забастовки в ряде других мест и городов. В Полоцке, Пензе, Волковишках, Оренбурге отозвалось и крестьянство.

«Первое мая», писала газета большевиков «Волна», «это мирная, но грозная в своем спокойном величии демонстрация против отжившего порядка и вместе с тем радостный предвестник будущей свободной России».

Если рабочий класс после декабрьского поражения, после всех контр-атак самодержавия, поддержанного русской буржуазией, русским либерализмом, международной буржуазией,—если рабочий класс смог уже через три с небольшим месяца после величайшего поражения пойти на такую демонстрацию, если к красному знамени притянулись такие огромные слои пролетариата, а от города первые нити стали перекидываться и в деревню,—то это действительно являлось лучшим доказательством того, что «Форсировать события не приходилось, но рано или поздно вопрос о восстании стоял сам собою, вместе с этим вырисовывалось и будущее свободной России. Пролетариат мог пойти через какие угодно еще поражения, через какую угодно полосу репрессий. Сила его была показана, и эта сила выковывалась в поражениях и победах первой великой русской революции».

3. 1-ое мая 1907 года.

11-го февраля 1907 года в № 13 «Пролетария» тов. Ленин, в статье «2-я Дума и вторая волна революции», писал: «Надо готовить оружие—и в прямом и переносном смысле слова. Надо готовить, прежде всего и больше всего, сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удесятить работу нашей агитации и организации среди крестьянства».

Но в этой же статье, удостоверяя факт наличия второй волны революции, тов. Ленин писал: «Никаких преждевременных призывов к восстанию. Никаких торжественных манифестов к народу».

А в статье «Кризис меньшевизма», от 7-го декабря 1906 года в № 9 «Пролетария», мы находим у тов. Ленина следующие строки: «Как сторонники идеологии революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца—мы, через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и неуверенность мелких буржуа, пронесем наши революционные лозунги,—мы исчерпаем действительно до конца все революционные возможности,—мы будем гордиться тем, что первые вступили на путь восстания и последние покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможным. И в настоящее время мы далеко, далеко, не признаем еще всех революционных возможностей и перспектив исчерпанными. Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему».

Таким образом, к 1-му мая 1907 года, положение можно примерно определить так... С одной стороны правительство как будто бы одержало целый ряд успехов, подавив все революционные вспышки и отдельные восстания на пространстве России, но вместе с тем победа самодержавия была еще далеко не полная. Среди широчайших масс билась еще деятельная политическая жизнь... Рабочее движение под натиском самодержавия и локаутов капиталистов не сдавало, а вело отчаянную экономическую борьбу... Волна политических стачек во всяком случае оставалась еще очень грозной.

Если 1905 год дал свыше 8.000 политических стачек и 1.800.000 участников в них, то в 1906 году политических стачек было свыше 3.500 и участников 650 тысяч, в 1907,—2 600 стачек и 540.000 участников. При этом для 1907 года, по сравнению с 1906 годом, получается увеличение политических стачек за счет экономических.

В 1905 году на каждые 100 стачек приходилось политических стачек 64, в 1906—58 и в 1907—72.

Революционные возможности, следовательно, вполне были допустимы. Конечно, вопрос о восстании не стоял в том смысле, что это восстание возможно сейчас и что к этому надобно призывать. Но вопрос

организации масс как раз стоял во всей силе, и это придавало первомайскому празднику 1907 года такое же, если не большее, значение, чем первомайскому празднику в 1906 году.

Первомайский праздник в 1907 году мало чем отличается от 1-го мая 1906 года.

В нем также участвуют по всей России сотни тысяч рабочих, также происходят летучие митинги, летучие заводские демонстрации, когда даже в таких сравнительно не промышленных городах, как Воронеж, рабочие завода Столля усыпают листовками Большую Садовую улицу, на которой находится этот завод... Одновременно организуются и проваливаются в иных местах нелегальные маевки... Но в общем и целом получается, при обилии первомайской литературы, при огромном количестве участников, картина массового организованного движения рабочего класса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Майский праздник в годы реакции, под'ема и войны.

1. Майский праздник в годы реакции (1907 — 1910).

После разгона 2-ой Думы вопрос стал ясным: царское самодержавие победило, „измена буржуазии“ — по выражению т. Ленина, — „и колебания мелкого хозяйника“ погубили революцию. Началась полоса свирепых преследований и разгрома рабочей печати, профессиональных союзов, рабочих организаций. Партии оказались снова загнанными в подполье. Партийные центры снова переехали за границу. Начался массовый отход буржуазно-демократической интеллигенции от революции.

Рабочий класс, который первым получает самые тяжелые удары, отступает последним.

Еще в 1908 г. мы имеем 464 политических стачки, количеством участников в 90.000. Правда, в 1909 г. идет всего 50 политических стачек и участников не более 8.000, а в 1910 г. всего 4 политических заставки, с числом участников немного более 3.700.

В этих тяжелых условиях разгрома рабочего движения и разгрома партийных организаций, когда меньшевики открыто выступают против партии, проповедают ликвидацию нелегальной организации, открыто отказываются от революционной борьбы к буржуазному либерализму, празднование 1 Мая проводится в России

снова тесным кругом нелегальных кружков и организаций, их настойчиво стараются сохранить, укрепить и восстановить революционные социал-демократы-большевики. Уже 1 Мая 1909 г. сосредоточивает на себе внимание партии и является наиболее ярким проявлением партийной работы на местах в этом году.

Местные организации откликнулись на призывы Центрального Комитета Р. С. Д. Р. П. большевиков.

К чему же призывал Центральный Комитет 1 Мая 1909 года?

Он призывал: 1) бросать работу, 2) собирать рабочие собрания и 3) на собраниях обсуждать вопросы, как укреплять организацию и как готовиться к новой борьбе.

1 Мая 1909 г. ознаменовалось и выпуском на местах прокламаций, при чем количество выпущенных листовок исчислялось десятками тысяч.

Самый день 1 Мая 1909 г. справлялся частичными забастовками.

Такой же характер имел пролетарский праздник 1 Мая и в 1910 г. Должно лишь отметить, что значительно увеличилось количество выпущенных первомайских прокламаций, увеличилось количество забастовок, а кое-где произошли и рабочие митинги, посвященные первомайскому празднику.

2. Майский праздник в годы подъема рабочего движения. 1 Мая 1911 года.

В 1911 г. начинается новый революционный подъем среди рабочих масс.

Этот подъем рабочего движения 1911 г. характеризуется тем, что в нем интересы политические тесно связываются и переплетаются с интересами экономической борьбы.

В области политической мы наблюдаем усиленный интерес к партии и к партийной литературе, интерес к рабочей газете. В этом отношении большевизм, который в самые тяжелые годы реакции отстоял и со-

хранил нелегальную партию, в то время, как меньшевики все время старались ликвидировать партию.— в этом отношении большевизм проделал колоссальную, исключительную работу...

В области экономической мы наблюдаем рост экономических забастовок. Если в 1909 году бастовало 64.000 чел., в 1910 г.—46.000 чел., то уже 1911 г. дает 422 стачки с числом участников свыше 250.000 чел.

В дальнейшем вплоть до войны забастовочное движение все усиливалось. Большевики и их печать— первоначально „Звезда“, затем „Правда“,—все время оказывали забастовочному движению самое горячее и активное содействие. А меньшевики—ликвидаторы в своих газетах всячески поносили стачечное движение, называли его „стаечным азартом“ и противопоставляли ему, как „высшую форму движения“—подачу рабочими „петиций“ или просьб в Государственную помещичью Думу.

Рядом с пробудившимся стачечным движением рабочих, которое носило уже не оборонительный, а наступательный характер, когда в 1911 г. 57% стачек окончилось полной или частичной победой рабочих, мы наблюдаем повышение, правда не особенно разительное, но несомненное повышение и количества политических стачек.

Если 1910 год дал, как мы указывали, 4 стачки с числом забастовщиков 3.700 чел., то уже 1911 год дал политических стачек 22, а участников 8.000 чел., т. е. увеличение было более, чем на 100%.

Однако, 1 мая 1911 г. проходит почти так же, как и 1 мая 1910 и 1909 г., имея подпольный характер. В то время уже выходила „Звезда“, газета, издававшаяся официально думской соц.-демократической фракцией III Гос. Думы, в которой сотрудничали большевики и те из меньшевиков во главе с Плехановым, которые были против ликвидаторства,—за сохранение нелегальной партии и потому получили название меньшевиков-партийцев. Однако, „Звезда“ не поместила после 1 мая 1911 г. даже отчета о том, как прошло первомайское празднество.

3. 1 мая 1912 г.

В этом году уже выходила „Правда“. Чтобы судить о размере стачечного движения 1912 г., достаточно сослаться, что всего за 1912 год бастовало свыше миллиона рабочих, при чем экономические стачки захватили 207.000 чел., а политические—855.000 чел. При этом первые пять месяцев (январь — май) дали уже число участников экономических стачек в 80.000 чел., а апрель 1912 г. принес с собою политическую стачку—ответ на известные Ленские события.

Политическая стачка по поводу Ленских событий, где в далекой сибирской окраине жандармский ротмистр Терещенко и Ленское золотопромышленное товарищество, в которое входили крупнейшие иностранные и русские капиталисты и крупнейшие русские сановники, расстреляли за предъявление экономических требований мирную забастовку безоружных рабочих,—политическая стачка по поводу ленских событий, как бы окончательно разбудила рабочий класс России. 15-го апреля 1912 г. в Петербурге произошла многочисленная демонстрация рабочих и учащейся молодежи, а забастовки по поводу ленских расстрелов, митинги и демонстрации охватили всю Россию.

При таких условиях и 1 мая 1912 г. должно было принять иные формы, чем в года реакции.

По полицейским условиям большевистская „Правда“ не могла еще развить первомайской агитации. В передовой статье от 1 мая 1912 г. „Правда“ лишь выразила уверенность, что русский рабочий отпразднует свой праздник. Статья заканчивалась: „Да здравствует 1 мая! Свободу и права русскому пролетариату!“

Но если нельзя было развить агитацию легально,—нелегальная работа кипела. В то же самое время правительство принялось за свое обычное дело и производило бесчисленные обыски и аресты по квартирам. В самый день 1 мая 1912 г. в Питере, по правительственному сообщению, бастовало 100.000 чел., но на самом деле бастовало больше. Рабочие покидали фабрики и

заводы с пением революционных песен. Появлялись красные флаги. На Невском просп. произошли 2 демонстрации, которые закончились стычками с конными городскими и жандармами. Несмотря на разгон двух демонстраций, была попытка устроить на Невском же просп. третью демонстрацию.

Довольно серьезные столкновения произошли между рабочей толпой и полицией на Каменноостровском просп., где демонстрантами был выкинут красный флаг.

Забастовка в Питере носила 1 мая настолько всеобщий характер, что кроме заводов и фабрик бастовали строительные рабочие, шофферы, булочники и т. п. Буржуазные газеты определяли число бастующих Петрограда в 210.000 чел.

Не менее единодушно прошла забастовка в Москве, Риге, Киеве, Одессе, Харькове, Саратове, Томске, Архангельске, Херсоне, Варшаве, Люблине и целом ряде других городов.

В черносотенной газете „Новое Время“, известный черносотенец Меньшиков написал буквально следующее: „Громадную демонстрацию 1 мая следует признать удавшейся. Она показала присутствие в столице огромной революционно-настроенной массы, показала, что рабочий пролетариат Петербурга организован для некоторых совместных действий“.

Самодержавное правительство не преминуло ответить на майскую стачку репрессиями, а хозяева, в лице „С.-Петербургского общества фабрикантов и заводчиков“ первоначально заявили, что „все участники майской стачки будут расчитаны и впредь ни на один завод не приняты“. Когда же выяснилось, что расчет „первомайских стачечников“ равносителен закрытию большинства фабрик и заводов, то „Общество фабрикантов и заводчиков“ решило наложить на всех рабочих и работниц, принимавших участие в майской стачке, штраф.

Однако, на эти штрафы рабочие ответили новыми стачками. Особенно долго в Петербурге продолжалась стачка у Сименс-Гальске, вызвавшая широкое сочувствие в остальных рабочих Петербурга, когда на по-

мощь бастовавшим из-за майского штрафа откликнулись десятки тысяч рабочих и собрали в их пользу 12.000 рублей.

Если спросить, кому принадлежало в это время руководство первомайским движением, то, несомненно, ответ может быть только один: революционным социал-демократам-большевикам. Их нелегальные организации выпускали нелегальные листки, в то время как меньшевики давно уже считали необходимым похоронить всякую нелегальную организацию.

Нелегальные листки большевиков призывали рабочие массы к политической стачке, в то время как меньшевики все время выступали против «стачечного азарта»... И, наконец, за неурезанными лозунгами большевиков—демократическая республика, конфискация помещичьих земель и 8-ми часовой рабочий день—шли рабочие массы России, в то время как меньшевики ругали эти лозунги, презрительно называя их «тремя китами», и выставляли свои «урезанные» лозунги: вместо демократической республики—свободу коалиций или союзов, вместо конфискации помещичьей земли,—пересмотр аграрных законов Столыпина, вместо широкого массового рабочего движения—подачу петиций или просьб рабочими в Государственную Думу... А о 8-ми часовом рабочем дне меньшевики предпочитали помалкивать.

4. 1-ое мая 1913 года.

В 1913 г. повышенное настроение уже чувствовалось в апреле. Годовщина ленского расстрела была ознаменована забастовками и демонстрациями по всей России.

22 апреля 1913 г. рабочая газета «Правда» праздновала свою первую годовщину. А первомайский номер «Правды» уже имел возможность развить гораздо более широкую легальную агитацию по поводу готовящегося первомайского праздника.

Были выдвинуты упомянутые нами три неурезанных лозунга большевиков, указывалось, что 1-го мая необходимо с особым ударением подчеркнуть чисто

пролетарские цели, — «то, что отделяет мир пролетарский от всего буржуазного мира»... Статья «К 1-му мая», члена Гос. Думы Григория Ивановича Петровского, прямо говорила: «1 мая должно показать нам, как велика мощь пролетариата, и что нам нужно осуществить в ближайшее время».

Нелегальная партийная организация развила агитацию и устную и путем печатных листовок. В Петербурге—Петербургский комитет большевиков выпустил 2 воззвания, в которых разъяснял значение 1 мая, указывал лозунги и места демонстраций.

1 мая 1913 г. по всей России бастовало 420.000 рабочих, а в одном Петербурге, по неполным сведениям «Правды», опубликованным уже 3 мая—до 250.000.

Забастовки сопровождались демонстрациями, причем демонстранты проявляли особую настойчивость, а полиция крайнее усердие при разгоне демонстраций.

Несмотря на политику репрессий, несмотря на то, что производились массовые аресты, Первое Мая 1913 г. прокатилось, действительно, по всей России. В Екатеринославе 1 мая справляли все 8.000 рабочих Брянского завода. В Москве на попытку предпринимателей наложить штраф на первомайские празднества, вспыхнули ответные забастовки, к которым рабочие присоединили и экономические требования.

5. 1-ое мая 1914 года.

Достаточно взглянуть—пишет т. Ольминский в своей статье «Общий очерк эпохи» (сборник «Из эпохи «Звезды» и «Правды»), на первомайский номер рабочей газеты «Путь правды», выходящей вместо закрытой «Правды», чтобы наглядно видеть результат подема. Не робкими отдельными статьями применительно к цензурным требованиям отметила на этот раз рабочая газета день пролетарского праздника, а во всю первую полосу бросался в глаза общий заголовок статей: «Первое Мая».

Все статьи этого номера газеты пропитаны сознанием силы и едва сдерживаемого боевого порыва.

Н. Шелавин.

Статья «Год борьбы» указывала, что пролетариат считает время от мая до мая. За этот последний год сделаны громадные успехи... Самые разнообразные политические мотивы вызвали мобилизацию сил рабочего класса... Все служило поводом к стачечным и демонстративным выступлениям... Усиление активности рабочих масс, рост их сознательности, рост среди них влияния марксизма и марксистской организации (иначе рост большевизма и влияние партии — газета была вынуждена говорить цензурным языком) — вот основные результаты работы марксистов за этот год. «Вступая в новый год пролетарского движения рабочий класс должен открытыми глазами взглянуть на то, что в ближайшее время несет ему тяжелые испытания, ставит перед ним громадные задачи. Борьба общественных сил будет разворачиваться в еще более острых формах».

В последней фразе скрывается уже намек на близость восстания.

Перед 1 мая 1914 г. полицией были приняты небылые меры предупреждения и пресечения. Аресты, обыски, налеты на собрания рабочих и т. д. сыпались по всей России.

Тем не менее, в ближайших номерах после 1 мая 1914 г. «Пути Правды», были подведены следующие итоги 1-му мая 1914 года.

Бастовали: Петербург—280.000, Закавказье—86.000, Рига—44.000, Москва—40.000, Ревель—16.000, Харьков—15.000, Н.-Новгород и Сормово—до 10.000, Николаев—8.000, Тверь—8.000, Пермь—8.000, Киев—5.000 и т. д., а всего свыше 500.000 рабочих. Сверх того, сведения о забастовках без указания числа забастовщиков пришли из Херсона, Тулы, Нахичевани, Иркутска, Костромы и т. д. Как и в прошлом году, — а в первую голову в Петербурге, произошли обычные майские демонстрации.

И в эти годы первомайское движение руководится только большевиками, ибо, чтобы понять как меньшевики могли бы руководить политической стачкой 1 мая, достаточно сказать, что если меньшевики были сначала вообще против стачечного азарта, то когда от стачек уйти уже было некуда, когда стачечное движе-

ние из года в год непреодолимо росло, то меньшевики, устами известного в те времена ликвидатора Ежова в своей газете «Невский голос», написали ни более ни менее как следующее: «Перед нами полоса экономических стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих».

6. 1-е мая в годы империалистической войны.

В 1914 г. мировой пролетариат справлял 25-летие международного праздника 1 мая.

Перед 1 мая 1915 года центральный орган германской социал-демократии поместил следующую заметку: «Уполномоченные центральные инстанции рекомендуют организациям в нынешнем году, в виду особых условий, отказаться от прекращения работ 1 мая».

«Полны тревоги» — писал по этому поводу 1 мая 1905 г. в № 41 «Социал-Демократа», т. Зиновьев — «и почти физического страха были представители буржуазии, когда в 1890 г. они ждали первого рабочего праздника — 1 мая. С другой стороны, столь же полны радости, полны бодрой уверенности в успехе были лучшие представители рабочего класса... А теперь, через 25 лет, самая сильная социал-демократическая партия, во имя буржуазной идеи «гражданского мира», призывает рабочих отказаться от празднования 1 мая... Это кульминационный пункт поругания социалистического знамени со стороны социал-шовинистов. Чапа стыда будет испита до дна. Это ли не праздник для буржуазии».

Как известно, 2-ой Интернационал с первых дней империалистической войны целиком изменил делу рабочего класса, призвав рабочих к защите отечества, к сохранению гражданского мира, к отказу от классовой борьбы. Не мудрено поэтому, что не только германские, но и французские и прочие социал-предатели и социал-патриоты — должны были прежде всего отказаться от празднования международного рабочего праздника...

И совершенно верно, как говорил в той же статье т. Зиновьев, — «отказ официальной социал-демократии от празднования 1-го мая стоит для буржуазии иного выигранного сражения».

В России социал-патриотизм также овладел меньшевиками и заодно и партиями народнической демократии, до социалистов-революционеров включительно.

Поскольку даже меньшевистская фракция в IV Гос. Думе писала председателю международного социалистического бюро 2-го Интернационала, а во время войны бельгийскому министру Вандервельде, что меньшевики «не препятствуют войне» (а Чхеидзе, председатель думской фракции, считал себя «интернационалистом»), постольку трудно было бы от меньшевиков ждать активного призыва к первомайскому празднеству...

Разгром партийных организаций в первые дни войны, военное положение, перевод рабочих на положение военно-обязанных, измена 2-го Интернационала и социал-патриотизм, стремление меньшевиков, особенно ясно проявившееся у меньшевиков-ликвидаторов, создать сотрудничество рабочего класса и буржуазии по «защите отечества», что впоследствии и привело к вхождению рабочих в военно-промышленные комитеты, — все это вместе взятое как будто бы отодвинуло назад массовое рабочее движение. А оно непосредственно перед войной в июльские дни вспыхнуло не только массовой стачкой, но и построило баррикады на Выборгской стороне.

Однако, с первых дней войны революционная социал-демократия, в лице большевиков, начинает борьбу с империалистической войной. Выходят нелегальные листовки с призывом: «война-войне». Центральный комитет партии опубликовывает свой манифест с главным лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую. Если 1 мая 1915 г. проходит лишь так, что ознаменовывается нелегальными собраниями передовых рабочих, если май мес. 1915 г. омрачается известными событиями в Москве, где кое-какие отсталые рабочие массы поддались патриотической агитации, и правительство сумело органи-

вать патриотические избиения евреев и немцев, то 1916 г. дает в день 1 мая уже иную картину.

В это время нелегальные организации Р. С.-Д. Р. П. — большевиков, при крайне трудных условиях, сумели все же окрепнуть. В это время прокатилась уже волна забастовок по всей России, а перед 1 мая 1916 г. Петербургский комитет большевиков развил большую агитацию. Была выпущена специальная листовка. Первомайские статьи и лозунги были в нелегальной газете Петербургского комитета — «Пролетарский Голос». На многих фабриках и заводах Петербурга была проведена стачка; так же удалось провести много митингов-массовок.

От падения самодержавия день 1-мая 1916 г. отделялся лишь 10-ю с небольшими месяцами, и следующий май 1917 г. русский пролетариат праздновал уже в России без царя. Правда, пролетариат не был еще у власти, делами заправляло Временное Правительство, но от момента захвата власти рабочим классом 1 мая 1917 г. оставалось всего 6 месяцев.

7. Некоторые выводы к празднованию 1-го мая за время 1905—1916 г.

11 лет первомайского праздника, за время с 1905 по 1916 г. включительно, охватывают первомайский праздник за годы первой русской революции, годы реакции, годы подъема рабочего движения и годы империалистической войны. Выводы, которые за этот период можно сделать, являются приблизительно следующими...

1) 1905 год ставит на очередь дня непосредственную схватку с самодержавием, ставит на очередь дня вопрос о решительном бое с царским правительством, вопрос о восстании. В связи с этим майский праздник 1905 г., в какой степени нельзя приурочить к нему восстание, несколько отступает на второй план. Безоружная демонстрация не имеет смысла. Определить восстание, назначить его на первое мая является вообще задачей предположительной, а ход событий убеждает в

преждевременности определить день восстания на 1 мая. Но так как задачей партии является—звать массы на борьбу, поднимать их активность, то революционная соц.-демократия—большевики не могут, с одной стороны, удерживая массы от решительного боя—от подлинного восстания, не могут не призывать массы к стачке и где возможно к вооруженным демонстрациям. Однако, в общем и целом, рабочее движение, после бурных взрывов января 1905 года поднимается ответной волной лишь 5 месяцев спустя после 1 мая, — в октябре 1905 г.

2) В последующие 1906 и 1907 г.г., когда революционные возможности еще имеются, когда восстание с порядка дня не снимается, но со всем тем не становится как задача сегодняшнего дня, когда не надо «форсировать событий», и выдвигается задача агитации и организации и сплачивания рабочих масс, первомайский праздник вновь приобретает исключительное значение, как «величаявая мирная демонстрация пролетариата, как смотр его сил, как сплочение пролетарских рядов. Такие лозунги выставлены были тогда большевиками, и такими и были грандиозные массовые празднества 1 мая в 1906 и 1907 г.г.

3) Года реакции приносят с собой разгром рабочего движения и партийных организаций, отход от революции и интеллигенции, отказ меньшевиков от партии, проповедь ими ликвидации подполья нелегальной партии. В это время все усилия революционной соц.-демократии, т. е. большевиков, должны были сводиться к тому, чтобы совместно со всеми теми соц.-демократами, которые были за партию, за подпольную организацию, сохранить именно партию, сплотить вокруг партийного знамени наиболее передовые слои рабочих, учесть опыт 1905-07 г. и готовить массы к новой борьбе. Отсюда и вытекали маевки годов реакции, когда, несмотря ни на что, все же выходили нелегальные листки, 1 мая объединялись в праздновании международного праздника, передовые рабочие, и, наконец, проводились, где возможно, политические забастовки, воспитывавшие тех, кто в следующие года под'ема дол-

жен бы стать ядром, а за этим ядром пойти широкие рабочие массы.

4. Годы под'ема принесли с собой и массовое празднество 1 мая. Политическая стачка 1 мая, митинги и демонстрации 1 мая, захватывающие из года в год все более и более огромные слои рабочего класса, организовывались, проводились и руководились революционной соц.-демократией—большевиками. Большевики урезали лозунги рабочего класса, затемнили даже лозунг 8-часового рабочего дня, не решались выставить лозунга демократической республики, меньшевики были против политической стачки. По отношению к майскому празднику они оказались даже позади виленских социал-демократов и экономистов начала и середины 90-х годов. В то же время, по мере развития рабочего движения, по мере того, как политическая стачка и среди них одна из важнейших—первомайская стачка всего более сплачивают, организуют рабочий класс, поднимают на борьбу новые его пласты,—уже 1 мая 1914 г. большевизм ставит перед массами вопрос о том, что восстание снова появляется в порядке дня рабочего движения в России.

5. Годы войны приносят с собой снова временный упадок массового рабочего движения. Но среди репрессий военного времени, среди круговой измены 2-го Интернационала делу рабочего класса, среди отказа партии 2-го Интернационала от международного рабочего дня, лишь революционная соц.-демократия, в лице большевиков, сохраняет день 1 мая и, под флагом майского праздника, снова и снова сколачивает ряды рабочего класса.

В этом отношении на всем протяжении 25 с лишним лет существования международного майского праздника, его революционное значение понимает, отстаивает, проводит майский праздник революционная социал-демократия. Майский праздник—есть ее праздник. Майский праздник в России—есть праздник большевизма, праздник коммунизма и тех рабочих масс, которые пошли за коммунизмом и идут за ним сейчас.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Под властью „демократии“.

1 мая 1917 года.

В 1917 году 1 мая праздновалось уже в России, освобожденной от власти царского самодержавия. Управляло делами правительство кн. Львова со вхождением в него „социалистов“. В Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов большинство, еще и при этом солидное, принадлежало оборонцам,—меньшевикам и эс-эрам.

В „свободной“ России день 1 мая был признан народным празднеством, а в „Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“ и в № 44 от 18 апреля 1 мая 1917 г. был помещен обширный церемониал первомайского праздника.

Передовица „Известий“ заканчивалась так: „Празднуя день 1 мая, не забудем же свою святую, свою первую обязанность перед рабочим интернационалом: крепить и растить нашу революцию, держать несокрушимым тот союз революционного пролетариата и революционной армии, которыми она создана, движется и развивается. Да здравствует же светлый день 1 мая, да здравствует русская революция—да здравствует мир между народами и братство трудящихся всех стран“.

В статье: „1 мая и война“—в том же номере „Известий“ высказывалась уверенность, что совместное выступление социалистов всех стран в разгар мировой

войны будет неслыханным торжеством идей Интернационала. Перед лицом буржуазии, охваченной повсюду ярким шовинизмом и натравливающей народы друг на друга в дикой, безудержной схватке, громогласное провозглашение пролетариатом вечных лозунгов международной солидарности и всечеловеческого братства, прозвучит с особенной силой и лишней раз покажет всему миру, что только социализм может явиться действительным освободителем и избавителем страдающего человечества.

Передовица в № 35 большевистской „Правды“ от того же числа прежде всего упоминала об измене II Интернационала и о том, как II Интернационал отказался от празднования 1 мая.

Наконец, в 1917 г.—говорила передовица—„первомайский праздник опять становится первомайским праздником рабочих... 1 мая—праздник социалистический. И теперь, когда так много, и часто так бессодержательно, говорят о „демократии“, необходимо вспомнить об этом. 1 мая мы в первую очередь хотим продемонстрировать нашу верность знамени социализма... Мы счастливы, конечно, что низвергли царя... Но мы не можем забыть одного: революция свершилась и на завтра мы, рабочие, попрежнему должны отправляться на капиталистическую каторгу. Мы остались наемными рабами... Рабочий класс России самоотверженно боролся за политическую свободу. Но еще больше беззаветности и героизма проявит он в грядущей борьбе за социализм.“

Передовица указывала, что наша революция откроет эпоху не только победы феодализма буржуазией, но и «эру победы рабочего класса над буржуазией»... И передовица оканчивалась приветом социалистам-интернационалистам, томящимся в тюрьмах за борьбу против «своих» правительств, Карлу Либкнехту, Маклину, Хеглунду и др.

В этом же номере «Правды» т. Ленин в статье «Наши взгляды» говорит, между прочим, о том, какими путями возможно скорее «прийти к миру»... «Власть в руках советов»—писал он,—будет «властью большин-

ства народа, а большинство это рабочие и беднейшие крестьяне, они действительно не заинтересованы в аннексиях, они не на словах, а на деле от них откажутся, они на деле перестанут быть стражами прибыли капиталистов. При таких условиях и мы согласны на революционную войну против капиталистов любой страны...»

А на вопрос, как на практике тотчас немедленно ускорить дело мира, если не возможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран, т. Ленин отвечал:—«практическое немедленное средство для того, чтобы ускорить войну, есть и может быть только одно— кроме победы рабочей революции над капиталистами— именно: братание солдат на фронте».

Таким образом, если сравнить эс-эро-меньшевистские «Известия» и большевистскую «Правду» в день 1 мая 1917 г., то у меньшевиков и эс-эров нет ничего, кроме революционных фраз. Они не выдвигают ни одной конкретной меры к тому, чтобы действительно подвинуть дело мира. Они ни словом не заикаются о социалистической революции. Они уповают лишь на «совместное выступление социалистов всех стран» вместе с героями II Интернационала, бок о бок и рядом с ними!.. Они не посылают ни одного проклятия изменникам рабочего класса и ни одного приветствия истинным его борцам.

В это время «Правда» ясно и точно определяет задачи рабочего класса, ясно и точно говорит о том, как можно действительно подвинуть дело мира и прекратить империалистическую войну.

К 1 мая 1917 г. большинство даже рабочего Петрограда шло еще за меньшевиками и социалистами-революционерами. Но уже сказывался перелом в настроении рабочего класса и всего три дня оставалось до выступлений рабочих колонн с протестом против миллюковской ноты и против политики Временного Правительства.

Само же 1 мая прошло в Петербурге примерно так... С раннего утра со всех концов города к Марсову полю, Исаакиевской и Дворцовой площади начали стекаться массы рабочих, работниц, солдат и подростков.

Кругом реяли красные знамена с пролетарскими лозунгами.

Почти на всех знаменах надписи: «Да здравствует Интернационал».

Особенно выделялось: «Помещики в окопы», «Война до победы над буржуазией», «Опубликуйте тайные договоры».

Коалиционное правительство и соглашательский Центральный Исполнительный Комитет Советов первого созыва, признавшие день 1 мая народным праздником, были не мало поражены, увидев на знаменах эти большевистские лозунги. Не мало поражен был и обыватель. «Совсем справедливых речей не слышно,—одни только ленинские».

И, действительно, речи были ленинские, и рабочая и солдатская масса, еще шедшая на поводу у соглашателей, начинала уже всею душою прислушиваться к ним.

На Исаакиевской площади выступление каких-то неизвестных личностей, заявивших, что они не допустят говорить с трибуны против войны, не помешало блестящему интернационалистскому выступлению ряда большевиков, в том числе кронштадтскому матросу. Сами солдаты, и среди них прибывшие с фронта и вынесшие на себе все ужасы войны помещиков и капиталистов, выступали с сокрушительным протестом против политики Временного Правительства. У здания, где в то время помещался Петербургский Комитет Р. С. Д. Р. П. большевиков—дворец Кшесинской—собрался целый митинг, прошедший как и другие, с необычайным успехом. Целый ряд национальных, профессиональных и районных организаций прошли перед зданием Петербургского комитета, приветствуя Ц. К. и П. К. партии.

Петербург в 1917 году стоял в центре всей России и во главе всего движения. Поэтому особенно в нем представляет интерес празднование первого „свободного“ мая. И можно было сказать, что 1 мая 1917 года ясно показало, как писала „Правда“: это был—наш день и решительный шаг вперед к новому революционному III Интернационалу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Под властью Советов.

Первое мая 1918 года.

Нигде и никогда не праздновался день первого мая так, как в советской России в 1918 году.

В Петрограде с раннего утра до позднего вечера улицы были полны манифестантами—рабочими, работницами и красноармейцами. Призыв господ меньшевиков—сделать рабочий праздник „днем траура“, а рабочим в знак протеста против рабочей власти не выходить на улицу—пропал втуне.

Целый день во всех главных центрах происходили многолюдные митинги. Все главные улицы были разукрашены флагами и художественной работы плакатами с символическими изображениями революции и праздника 1 мая. Вокзалы все украшены. На Николаевском—огромный плакат, изображавший крестьянина и рабочего с лозунгами: „Да здравствует защита социалистического отечества!“—„Советы приведут нас через все трудности к социализму!“.

На Зимнем дворце—громадный плакат с надписями: „Вся власть советам“. На Публичной библиотеке „Да здравствует Коммуна Петрограда“.

С самого утра рабочие и работницы стекались к сборным пунктам, выстраивались в колонны, выслушивали ораторов и под звуки музыки и гимна двигались в полном порядке. По пути одна колонна сме-

нялась другой, и везде беспрерывно мощной лавиной совершал пролетариат по улицам Петрограда свое величественное и торжественное шествие.

Центр торжества—Марсово поле и могилы жертв революции. Здесь проходят без исключения все демонстрации. Здесь же они выслушивают приветствия членов Исполнительного Комитета Совета и Петербургского Комитета Российской Коммунистической Партии.

В это время выходили еще буржуазные газеты и кадетский „Наш Век“, касаясь празднования Первого мая в Советской России, совершенно правильно классовым чутьем буржуа подметил истинный смысл и значение великого рабочего праздника.

„В Российской Социалистической Республике,—писала буржуазная газета,—1 мая не есть символ победы грядущего, а торжество настоящего. Русское 1 мая празднуется не вопреки воле правительства, а по предписанию его“.

В Москве—1 мая 1918 года происходило так... На призыв духовенства, буржуазных и соглашательских партий воздержаться от участия в манифестации откликнулась только буржуазия, которая блистала своим отсутствием даже в качестве публики. Все районы фабрично-заводских организаций и Советские воинские части собрались в назначенное время в указанные заранее места.

Шествие по выработанному маршруту началось в 10 час. утра и тянулось до 5 час. вечера, проходя по Красной площади мимо могил жертв революции. Стройной колонной шли рабочие, меняясь с батальонами революционных войск всех родов оружия.

Над бесконечной линией шествия гордо колыхалось поле красных знамен. Тысячи детей московского пролетариата радостными приветствиями приветствовали проходивших мимо манифестантов. Военно-пленные интернационалисты шли со знаменами, лозунги которых написаны на родных языках, с оружием в руках. Демонстрация международной солидарности пролетариата получилась весьма внушительная. Убранство Москвы удалось блестяще; устроители обнаружили

массу художественного вкуса. Газеты Советских партий целиком были посвящены первому мая.

Вышел первый номер группы немецких коммунистов „Вельт-Революцион“, а также ряд листовок. Вечером состоялся ряд митингов под открытым небом. На Ходыньском поле Советскими войсками были произведены парадные учения. Советский воздухоплавательный отряд показал высокую технику своих полетов, продолжавшихся до сумерок.

Массовым и грандиозным оказалось и празднование первого мая по России... Из Курска сообщали: Первомайское торжество было грандиозно. Масса флагов, многочисленные манифестации, шествие войск боевых партийных дружин и партизанских отрядов, ряд митингов. В клубе состоялся вечер военнопленных интернационалистов.

Из Златоуста:—„В городе идут первомайские манифестации, устроенные уездным Советом. Участвуют рабочие, служащие и военнопленные, стоящие на платформе Советской власти. Правые эсэры, меньшевики и сочувствующие им участия не принимают“.

Из Калуги:—„Первомайский праздник прошел с большим подъемом. Участие принимали партийные организации, признающие Советскую власть, профессиональные союзы, солдаты, рабочие и крестьяне. Были устроены народный митинг и развлечения. Занятия и торговля не производились“.

Из Красноярска:—Первого Мая состоялась грандиозная манифестация, участников было до 20.000 чел. Манифестировали все профессиональные союзы, революционные войска и социалистические организации военнопленных. Улицы и многие здания декорированы.

Такими сообщениями полны были газеты в 1918 г. Какие же лозунги обвевали собой день Первого Мая 1918 года?

„В день Первого Мая,—говорило воззвание ВЦИК,—мы—граждане Советской Социалистической Республики свое первое слово должны обратить к нашим братьям в других странах... Наша борьба невероятно тяжела, мы истекаем кровью... Мы взвалили на свои молодые,

еще не окрепшие плечи невероятно тяжелую ношу. Они должны разделить ее с нами. В день Первого Мая мы напоминаем о международной солидарности трудящихся. Под наше знамя все, кому дороги интересы рабочего класса... Во всех странах на знаменах первомайской демонстрации стоял лозунг:—долгой милитаризм. Мы вместе с рабочими всего мира об'явили войну войне, но не к разрушению зовем мы трудовые массы Российской Советской Республики“...

„Пока еще не сломлено господство буржуазии в других странах... Со всех сторон угрожают нам хищники капитала... Мы должны создать свою мощную армию, Красную армию трудовых масс... Все в ряды, все под ружье. Мы сломили буржуазию, но мы еще не перестроили по своему всю жизнь. Только организованной дружной работой укрепим мы свою победу. Победив капиталистов мы должны победить и собственную неорганизованность... Все за работу по строительству новой жизни... Пусть трубным кличем прозвучат наши призывы в день Первого Мая: Пролетарии всех стран, соединяйтесь, вступайте в решительный бой,—защита Советской республики с оружием в руках—священный долг каждого рабочего и бедняка города и деревни. Все в Красную армию! Да здравствует Советская власть!“.

Чтобы покончить с празднеством Первого Мая 1918 г., мы приведем резолюцию, принятую на митинге 1 Мая на Обуховском заводе...

Обуховцы в 1901 году—первые поднявшие в Петрограде красное первомайское знамя и заплатившие за это тяжелыми жертвами,—1 Мая 1918 года всем заводом против 10 человек приняли следующую резолюцию: „Мы, рабочие и красноармейцы Обуховского завода, собравшиеся на митинге в день международного пролетарского праздника 1 Мая, заявляем, что, несмотря на неслыханные усилия империалистов всех стран, объединившихся с нашими корниловцами и предателями социалистами, чтобы задушить русскую революцию,—мы решительно заявляем в этот день, что пролетариат России, сумевший одержать блестящую победу над

своими угнетателями, ни перед кем не склонит своих революционных знамен и всем врагам пролетариата даст решительный отпор. Нас не усыпят провокаторские зазывания соглашателей уступить капиталистам и отдать себя на их попечение. Для пролетариата нет лозунга: назад к капитализму... Долой международную войну. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, да здравствует III Революционный Интернационал, да здравствует социализм, да здравствует международный праздник—Первое Мая!“

Первым Маем 1918 года—первым майским праздником в России Советов, стране, где восторжествовала диктатура рабочего класса, мы и кончаем свой обзор.

С той поры Советская Россия пережила первомайские праздники 1919, 20, 21 и 22 г.г.,—и будет праздновать ныне Первое Мая 1923 года.

Шестое—Первое Мая Советской России!

И каждый год, несмотря ни на что, несмотря на всю тяжесть положения, сплывались под красными майскими знаменами все большие и большие массы трудящихся!.. Все крепче становилась спайка трудящихся, а праздник труда в стране рабоче-крестьянской свободы притягивал и притягивает к себе внимание рабочих масс всего мира.

